

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Роман АФАНАСЬЕВ

ДЕПАРТАМЕНТ НОЧНОЙ ОХОТЫ

Annotation

У охотника на нечисть Алексея Кобылина новая работа – государева служба. Все теперь официально – и пропуск в Министерство, и мелкая должность, и даже план по выполнению работ. Вот только работы меньше не становится, в отличие от количества начальников. Тут и убийство расследовать, и за маньяком охотиться, и банду налетчиков искать, и мир от лютой нечисти спасать. И все – под строгим контролем загадочного Ордена, записавшего охотника Кобылина в мелкие винтики рабочего механизма. А терпение у самого удачливого ночного охотника – короткое. Тут и до беды недалеко...

Роман Афанасьев

Департамент ночной охоты

© Афанасьев Р.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Ведьмин танец

Серое марево зыбкой пеленой окутало пустую автостоянку. Белые разметочные линии на выщербленном асфальте выглядели потертыми, выцветшими, словно не обновлялись десятки лет. Ни одной машины, ни единой живой души, ни звука, ни движения. Только легкий ветерок несет вдоль бордюра обрывки белых пакетов, взметая их над засохшими газонами, словно клочья морской пены.

Кобылин медленно поднял взгляд, прищурился, пытаясь хоть что-то разобрать сквозь серую завесу, походившую на сизый туман. Там, впереди, у края парковки, из серости проступала темная громада торгового центра. Высокие ровные стены из стекла и бетона уходили вверх, теряясь в серой хмари. Огромные раздвижные двери из заляпанного стекла приоткрыты, и видно, что внутри ворочается тьма. Клубится, как черный снег в сувенирном шарике, оседает изнутри хлопьями на грязные стены из небьющегося стекла. Дышит. Живет.

Тронув шершавым языком обветренные губы, Кобылин сделал шаг к черному провалу в полупрозрачной стене. Казалось, на это ушел целый день. Двигаться было тяжело, нужно было преодолевать сопротивление серой хмари, а ноги отказывались повиноваться. Алексей чувствовал себя так, словно стоял на океанском дне и пытался протиснуться сквозь массу ледяной воды. Идти было тяжело. Но – необходимо.

Следующий шаг дался легче. Кобылин упрямо склонил голову, двинулся вперед, тараня невидимую стену, и начал продвигаться к черному провалу двери, ведущей в опустевший торговый центр.

Под ногами хрустело битое стекло, ветер швырял в лицо обрывки бумажной упаковки, но Кобылин упрямо продвигался вперед, зная, что если он остановится, то уже не тронется с места. Он даже умудрился поднять руку и выставить перед собой, закрывая лицо от серой хмари, на лету превращавшейся во вполне ощутимые хлопья жирной гари.

Когда до черного провала оставался десяток метров, Алексей ощутил, как ему в лицо ударил холодный поток воздуха. От неожиданности охотник отшатнулся и чуть не упал. Покачиваясь на пятках, он попытался сохранить хрупкое равновесие и чудом удержался на ногах.

Тяжело дыша, словно только пробежал марафонскую дистанцию, Кобылин замер. В тот же миг давление утихло, невидимый барьер исчез, и ветер, набравший силу, вдруг сгинул без следа, осыпав замершего охотника сухими листьями и пылью.

Темная громада торгового центра нависала над Кобылиным безмолвной скалой. Безжизненная, серая, притихшая, угрожающе молчаливая. В абсолютной тишине Алексей стоял напротив черного провала, ведущего в недра мертвого здания. Серая хмарь сгущалась на глазах, превращаясь в липкие хлопья и нити, сыплющиеся из бездонных свинцовых туч.

Кобылин поднял руку, смахнул с лица липкую дрянь и внезапно понял, что это паутина. Серая липкая паутина, заполонившая всю огромную площадь, облепившая стены и асфальт, затянущая стекла и плавающая в воздухе дымными клочьями.

Кобылин сглотнул, потянулся к поясу, но вспотевшая ладонь ухватила только широкий ремень. Пистолета не было. Не было ножа. И за спиной, в петлях для дробовика, была лишь пустота.

Темнота внутри здания всколыхнулась, вздохнула, как огромный зверь, и медленно тронулась к выходу. Чернильные потоки хлынули из распахнутых створок, растекаясь по асфальту черными лужами, в проеме дверей заворчалось что-то темное, холодное, неживое.

Стиснув зубы, Кобылин сжал кулаки и шагнул вперед, чувствуя, как от ярости ноют виски. Вскинув безоружные руки, охотник рванулся вперед, в самое сердце тьмы. В последний момент оскалился диким зверем, вскрикнул...

И проснулся.

* * *

Кобылин лежал на спине. Обнаженный, на мокрых от пота простынях, он до боли сжимал кулаки. Сердце отчаянно билось в груди, а застывший неживой взгляд был устремлен в белоснежный потолок, рассеченный надвое солнечным лучом.

Очень долгий миг Алексей лежал неподвижно, напряженный, словно натянутая до предела струна. Потом он медленно выдохнул и расслабился. Пальцы, сведенные судорогой, разжались, грудь, исчерканная белыми нитками шрамов, дрогнула, возвращаясь к спокойному дыханию, а сердце перестало колотить в ребра.

Охотник набрал полную грудь холодного утреннего воздуха и медленно выдохнул, шипя как проткнутая шина. Потом еще раз. И только после поднялся, сел на кровати и покачал головой, разминая затекшую шею. Пора было вставать.

Маленькая съемная квартирка на последнем этаже скромной пятиэтажки за ночь не претерпела никаких изменений. Кровать, окно, старая стенка, сломавшийся еще в прошлом веке телевизор, протертый ковер на полу и точно такой же, но облезший, на стене... Все было по-прежнему. И все-таки что-то неуловимо изменилось. Словно кошмар все еще цеплялся за свою жертву, норовя переползти в реальный мир следом за проснувшимся охотником.

Кобылин вскочил с кровати, подпрыгнул пару раз, коснувшись пальцами потолка, покрутил головой, шумно выдохнул пару раз. Потом подошел к пустому письменному столу, вытащил из верхнего ящика карандаш и обернулся к стене. Там, у окна, висел большой бумажный календарь, один из тех, что дарят друг другу на Новый год мелкие фирмочки, экономящие на подарках клиентам. Кончиком карандаша охотник передвинул красную рамочку на новый день. Потом, помедлив секунду, обвел прошлое число кружком и отступил на шаг, любуясь получившейся картиной.

Итого, третий раз за две недели. Три черных кружочка означали дни, когда один и тот же кошмар заставлял Алексея просыпаться в собственном поту. Нет, он видел похожие сны раньше, и не раз. Вот только отмечать эти дни Кобылин начал недавно, пытаясь установить хоть какую-то закономерность. Почему этот сон? Почему именно сейчас?

Хмыкнув, Кобылин бросил карандаш на стол, развернулся спиной к исчерканному календарю и пошлепал в ванную, принимать душ и бриться. День обещал быть суетным. Сегодня охотник устраивался на работу.

* * *

Выйдя из метро, Кобылин сощурился на яркое августовское солнышко, огляделся по сторонам, высмотрел подземный переход и двинулся к нему уверенным и пружинистым шагом.

Указания Гриши были недвусмысленными – к десяти часам прибыть ко входу в зоопарк и ждать дальнейших указаний. С этим никаких проблем не предвиделось – вход в зоологический сад отгрохали такой, что захочешь, а не пропустишь.

Перейдя улицу, Кобылин прошел десяток шагов вдоль каменного заборчика и оказался у того самого входа в зоопарк. Он давно не бывал в этих краях и потому запрокинул голову, с искренним интересом осматривая новую достопримечательность.

Решетчатые ворота зоопарка остались прежними. Вот только теперь над ним громоздилась настоящая стена средневекового замка. Сложена из камня, наверху торчит башня с часами и остроконечными шпилями, а с краю прямо на камни мостовой падает крохотный водопад – почти как настоящий. И пусть камни – это всего лишь облицовочная плитка, водопад рожден водопроводом, а красивая башенка больше напоминает декорацию из детского кинофильма. Пусть. Все равно красиво, а уж для ребятни это точно двери в сказку.

Почувствовав затылком чужой пристальный взгляд, Кобылин опустил голову и медленно обернулся, словно невзначай бросив по сторонам быстрый взгляд. Источник беспокойства обнаружился быстро – на противоположной стороне улицы, у входа в кофейню, стоял грузный человек в черном костюме. Он сжимал в огромной лапище картонный стаканчик с горячим кофе и прожигал охотника серьезным оценивающим взглядом.

Кобылин спокойно подошел к переходу, дождался зеленого света, быстро прошелся по «зебре» и вышел прямо к ожидающему его франту.

– Ну ты и вымахал, Кобылин, – прогудел Гриша, окидывая охотника оценивающим взглядом. – Отъелся на казенных харчах за лето.

– Ты тоже, как я погляжу, зря времени не терял, – парировал Кобылин, легонько ткнув твердым, как железный штырь, пальцем в объемистое чрево Бороды.

На самом деле он был удивлен – таким он Григория еще не видел. Огромная борода нынче была аккуратно подстрижена почти под корень, жесткие лохмы, вечно свисавшие на плечи, были собраны в аккуратный «конский» хвост. Черный костюм идеально сидел на объемистой фигуре Гриши и был явно сшит на заказ. Черный галстук идеально ровной линией спускался от воротника белоснежной рубашки к блестящей пряжке ремня. Теперь в Бороде не осталось ничего от безумного байкера в кожаном плаще. Теперь он скорее походил на адвоката с Манхэттена, выбежавшего с утра за кофейком.

– М-да, – буркнул Гриша, отрывая, наконец, взгляд от своего напарника, – ну ты, отец, как всегда.

Кобылин смущенно отвел взгляд. Он, выполняя требования Гриши, сегодня тоже оделся вполне прилично. Костюм, правда, у него был темно-синий. Рубашка белая, галстук – тоненький шнурочек, найденный на распродаже. И начищенные до блеска остроносые ботинки. При этом Алексей осознавал, что костюм ему маловат – особенно в плечах. Он, пожалуй, в первый раз покупал себе костюм и, кажется, слегка промахнулся с размером. Его вряд ли можно было назвать культуристом – его фигура была скорее не мускулистой, а жилистой, так что рукава по швам не расползались, вовсе нет. Но широкие плечи, обычно прятавшиеся в безразмерных куртках, превратили окостюмленного Кобылина в некое подобие шкафа с квадратными углами. Волосы он постриг еще в прошлом месяце, и

довольно коротко, чтобы не мешали на охоте, и это было очень удобно. Все по отдельности смотрелось очень прилично, но собранное вместе – квадратные плечи, узковатый костюм, короткая стрижка и остроносые ботинки – превращало Кобылина в какого-то братка из лихих девяностых. Причем не настоящего, а киношного, в этакую пародию на бандита.

– Хорошо хоть ствол оставил, – буркнул Григорий в кофейный стакан. – А то с оттопыренным отворотом коротковатого пиджака был бы просто неотразим.

Кобылин недовольно хмыкнул и покачал головой.

– А вот нечего меня заставлять всякой ерундой заниматься, – тихо произнес он. – Это вообще все зачем? Что за маскарад?

– В приличное место идем, – отозвался Борода, бросая опустевший стаканчик в урну у дверей кофейни. – Готов?

– Как пионер, – мрачно отозвался охотник.

– За мной, – велел Гриша и двинулся вдоль по улочке.

На ходу он вытащил из кармана огромные черные очки, нацепил на свой огромный нос и превратился из адвоката в мелкого наркодилера из того же Манхэттена.

Обреченно вздохнув, Кобылин незаметно тронул рукой пояс. Ствол действительно пришлось оставить дома – на этот счет Гриша высказался весьма определенно. И теперь охотник чувствовал себя так, словно вышел на прогулку голым. Немного успокаивал складной нож в кармане брюк, пара кованых спиц в рукавах, пакетик с серебряной пылью, удавка за поясом, пара отравленных игл за лацканом и еще пара мелочей... Но это все не то. Это так, чисто для вида. Кобылин снова тронул пустой карман. Некстати вспомнился дурной сон, то ужасное ощущение, когда он осознал, что оружия больше нет.

Кобылин оглянулся. Борода успел миновать желтый дом с кофейней и направиться к следующему зданию – к длинной бетонной коробке. Нахмурившись, охотник прибавил шаг и под задорную песенку Элвиса, доносящуюся из переулка между зданиями, двинулся следом за другом. Он быстро нагнал Григория, неторопливо шагавшего вдоль железного решетчатого забора, ограждавшего унылый серый дом с одинаковыми окнами. Какой-то умник придумал для подобных домов определение – административное здание. Очень глупо, но точнее не скажешь. Вот сразу видно официальное здание – серые стены, одинаковые ряды одинаковых окон с коробками кондиционеров. Между стеной и забором ровненький газончик, над которым возвышаются редкие голубые елочки. Тут не ошибешься, это что-то государственное, предназначенное исключительно для решения административных задач.

– Куда идем? – шепнул Кобылин, нагоняя напарника.

– Тут рядом, – отозвался Борода, медленно, с ленцой, переставляя ноги, словно наслаждаясь прогулкой вдоль заборчика. – Как дела?

– Дела? – изумился Кобылин. – Нормально дела.

– Как Лена?

Алексей мотнул головой и сразу помрачнел.

– Все так же, – мрачно отозвался он. – Месяц уже ни ответа, ни привета. Все.

– Ясно, – коротко отозвался Борода.

– Оно и к лучшему, – пробормотал охотник. – Без этого дурдома целее будет.

– Может, – согласился Григорий.

– Что? – недовольно осведомился Кобылин. – Не одобряешь? Или...

Он остановился и схватил Гришу за рукав.

– Не смей, – тихо, но с напором сказал он. – Не смей ее тянуть обратно. Ушла девчонка,

и прекрасно. Прошла романтика, ну и слава богу. Не вздумай позвать ее обратно.

– Тише, ты, скаженный, – бросил Борода. – Люди же смотрят!

Он тихонько высвободил рукав из хватки охотника.

– Да я сам ее не видел с начала лета, – тихо проговорил Борода, стряхивая с плеча невидимую пылинку. – Никуда я никого не тащу. Просто ну, немного беспокоюсь.

– Вот и славненько, – отозвался Кобылин, внимательно изучая круглую физиономию друга, пытаюсь заметить хоть намек на ложь. – Пусть все так и будет.

– Пусть, – легко согласился Борода и снова медленно двинулся вдоль забора. – Проехали.

Кобылин что-то невнятно буркнул под нос и зашагал следом. Он не хотел признаваться в этом самому себе, но разрыв отношений дался ему не так легко, как хотелось бы. Собственно, это были не отношения, а мучения какие-то. Лена смотрела на него влюбленными глазами, заглядывала в рот, пытаюсь предугадать любое желание, а он... А он был так зациклен на охоте, что порой и не замечал этих взглядов. А когда замечал – обычно опуская окровавленный мачете, – то чувствовал себя полным идиотом, не способным дать нормальной девчонке ничего, кроме жарких дневных объятий и кровавых ночей, проведенных не в постели, а в грязных подворотнях. Он ничуть не удивился, когда Лена однажды назвала его роботом, бесчувственной деревяшкой и ушла, забрав те мелочи, которые успела принести в съемную квартиру. Собственно, возразить было нечего. Нормального романа не получилось. А что у охотника может быть нормального? Ни жизни, ни романов, ни дома, ни работы... Кровь, пот и слезы.

– Ну, вот мы и на месте, – сказал Гриша. – Эй, не спи.

– Не сплю, – мрачно отозвался Кобылин, озираясь по сторонам.

Его худшие опасения подтвердились. Серый казенный дом окончился скромным крыльцом со стеклянными стенами. В этаким предбаннике хорошо стоять в дождливый день, дожидаясь своего номера в бесконечной очереди к весьма занятому чиновнику.

Чуть дальше дорога ныряла под навесной пешеходный мостик, нависавший над всеми проводами. Алексей знал, что этот мост, отделанный каменной плиткой, соединяет две части зоопарка. Но до мостика было еще далеко. Оглянувшись, охотник смерил взглядом длинное серое здание с голубыми елками у входа.

– И что это? – осведомился Кобылин.

– Это, милый Гарри, министерство чародейства и волшебства! – радостно отозвался Борода. – В широком смысле слова.

– Ясно, – бросил Алексей. – А в узком?

– Твоя новая работа, – отозвался Гриша, протягивая Кобылину пластиковый квадратик электронной карточки. – Будешь работать в Министерстве. Вне штата. Но с широкими полномочиями.

– Министерство Природы, – прочитал Кобылин, любуясь на свою фотографию, размещенную прямо поверх пластиковой карточки. – Департамент охоты? Охоты?

– Ну да, – без тени смущения отозвался Борода. – Знаешь, охотники, ружья, заповедники, пиф-паф? Вот это все как-то надо регулировать. Вот и регулируют.

– А я? – поразился Кобылин. – Я что буду регулировать?

– Ну, будешь что-нибудь, – протянул враз помрачневший Борода. – Пиф-паф. В широком смысле.

Поймав пронзительный взгляд Кобылина, Григорий смягчился и потрепал его по плечу.

– Не тушуйся, – сказал он. – Бумажные дела беру на себя. Для тебя все останется по-

прежнему. Почти. Не напрягайся. Я все расскажу, а сегодня просто зайдём, познакомимся, людей посмотрим, себя покажем. Идет?

Кобылин коротко сообщил Григорию, кто и куда должен, по его мнению, пойти, но Борода лишь ухмыльнулся и потянул белую пластиковую ручку на себя.

– Идем, – сказал он, распахивая дверь. – Тебе понравится. Я обещаю. С меня мороженое и воздушный шарик.

Чертыхнувшись, Кобылин сжал зубы и вошел в открытую дверь. Отступить было поздно. Настало время открывать новую страницу своей жизни.

* * *

Пройдя сквозь остекленное крыльцо, напарники подошли к блестящей никелем вертушке. Охранник хмуро глянул из-за конторки на гостей, но Борода приложил свою карточку к приемнику у входа. Тот вспыхнул зеленой лампочкой, вертушка разблокировалась. Друзья прошли мимо поскучевшего охранника и свернули в длинный коридор.

Кобылин с интересом глазел по сторонам – в министерствах он раньше не бывал. Но ничего интересного он так и не увидел. Обычный коридор, выкрашенный скучной коричневой краской, десяток деревянных дверей с медными табличками. Вдоль стен стоят железные шкафы, битком набитые картонными папками и пачками бумаг, а между ними красуются стулья со сломанными спинками. На некоторых стоят большие коробки, также забитые растрепанными папками, а в крайней так и вовсе – склад древних компьютерных клавиатур. Вероятно, это был черный ход, если так можно было выразиться. Вся позолота и широкие лестницы с красными дорожками остались, как всегда, с другой стороны. Охотникам и не положены встречи с почетным караулом и фанфарами, подумалось Кобылину.

Миновав коридор, Григорий свернул направо, на крохотную площадку у одинокого лифта. Справа от него наверх уходила лестница с потертыми каменными ступенями. Где-то рядом по ступенькам застучали каблуки, и Кобылин вскинул голову. Борода же потянул его за рукав, в сторону.

Вопреки ожиданиям охотника, Гриша не пошел к лестнице. И к лифту не подошел. Он двинулся дальше, в маленький закуток за лифтом, в темный проем, заставленный вездесущими железными шкафами, набитыми стопками бумаг. Оттолкнув с дороги потрепанное кресло на колесиках, Борода буркнул под нос что-то грубое и свернул в темноту, за угол.

Кобылин прошелся следом, пнув по дороге покосившийся стул, и обнаружил, что его друг стоит у крохотной лестницы, ведущей вниз – видимо, в самый подвал. Здесь было темно, укромный уголок служил, по-видимому, складом для барахла. Несмотря на грозную табличку, категорически запрещающую курить, из темноты отчетливо тянуло сигаретным дымом.

Чертыхнувшись еще раз, Борода спустился по ступенькам и толкнул старую деревянную дверь. Она со скрипом распахнулась, открыв еще одну узкую лестницу, ведущую вниз.

– Развели бардак, – прорычал Гриша, протискиваясь в щель. – Надо было напрямую идти...

Кобылин легко переступил через аккуратно связанную стопку старых газет, чьи

заголовки кричали о трудовых подвигах советских геологов, и скользнул следом за напарником. Тот уже спустился по лестнице и успел достать мобильник, чтобы подсвечивать себе дорогу. Алексей безмолвно и бесшумно следовал за напарником. Темная лестница, ведущая в подвал, – это было уже интересно. Во всяком случае, намного интереснее пустых коридоров.

Миновав пару пролетов, друзья очутились еще у одной двери – железной, выкрашенной коричневой краской. Даже в полутьме было видно, что она видала и лучшие годы – краска местами облупилась, а прямо по центру красовались глубокие вмятины, словно в нее кто-то лупил углом тяжелого дубового стола. Изнутри.

Кобылин нахмурился, но Борода бесстрашно опустил телефон и зашарил по карманам, поминая чью-то матушку. Наконец, один из карманов выдал пластиковую карточку, которая была немедленно приложена к незаметному в темноте выступу на косяке. Выступ моргнул зеленым огоньком, внутри железной двери щелкнул замок, и Борода тут же потянул ее на себя.

– Пришли, – пыхтя, объявил он. – Ай, ну точно надо было сверху заходить...

За дверью обнаружился очередной коридор. Кобылин с опаской ступил на влажный бетонный пол, с удивлением рассматривая выкрашенные в багровый цвет шершавые стены. Под потолком тускло горели лампочки дневного света, забранные в ребристые короба, которых Алексей не видел уже лет двадцать. Все это напоминало не коридор, а самый настоящий подземный ход. Никаких дверей, впереди темнота, на полу сырость, и лишь гулкое эхо шагов отскакивает от стен...

Позади гулко лязгнуло, и Кобылин резко обернулся, привычно хватаясь за карман. Это была всего лишь захлопнувшаяся дверь, но у Кобылина волосы на шее встали дыбом. Ему здесь не нравилось. Очень не нравилось. Мгновенно, из тихого болота административной работы с бумажками, он очутился в подземелье, где каждый камешек на полу, каждый потек на стене кричали об опасности.

– Гриша, – тихо позвал Кобылин. – Гриш...

– Идем, – буркнул тот, не оборачиваясь, – почти пришли. Ох, дурака сваял. Надо было сверху заходить. Я тоже терпеть не могу эту чертову дыру. Ну зато будешь знать, как пройти, если что.

Стиснув зубы, охотник двинулся следом за напарником, ускорившим шаг. Коридор все тянулся и тянулся, при этом он явно вел вниз, как пандус. Кобылин уже начал прикидывать – не пора ли трубить отбой, но тут впереди показалась дверь, расположившаяся прямо в стене. Она была приоткрыта, и мягкое сияние, лившееся из щели, прекрасно освещало узкую винтовую лестницу в стене напротив, ведущую наверх. Сам коридор уходил дальше, вперед и вниз, но Борода замедлил шаг и остановился у приоткрытой двери.

– Молчи и улыбайся, – сказал он, жестом подзывая Кобылина к себе. – И не дергайся, ладно?

Кобылин мрачно кивнул, и Гриша, удовлетворившись этим, вдруг расплылся в широкой улыбке и потянул дверь на себя.

– Нина Ивановна, наше вам, – прогудел Борода, протискиваясь в проем двери, – можно?

Ответа Кобылин не расслышал, но послушно шагнул следом за напарником, все так же хмурясь и размышляя о том, что, пожалуй, не стоило ввязываться в эту авантюру с отрядом, домом и официальной работой. Надо было как раньше, одному, по чердакам, немьтым, небритым, некормленным.

Вид комнатки, в которую втиснулся Борода, заставил Кобылина удивленно вскинуть брови. Крохотный кабинет без окон больше напоминал камеру темницы, чем рабочее место. Все пространство вдоль стен плотно уставлено деревянными шкафами, битком набитыми картонными папками. На шкафах рядами стояли потемневшие коробки, из которых выглядывали пачки бумаг, наспех перевязанные лентами и бечевой. В центре же комнаты высился небольшой письменный стол, на котором разместился компьютер. Старый большой монитор, пожелтевший, украшенный наклейками, тускло мерцал, бросая блики на такую же старую клавиатуру. Рядом со столом стоял сейф – железный ящик до плеча самому Кобылину. На нем, сверху, прекрасно уместился электрический чайник, коробка чайных пакетиков и самая обычная домашняя чашка. При этом охотник был абсолютно уверен в том, что в самом сейфе припрятана коробка сахара-рафинада и заварка. И ситечко.

Но не это заставило Кобылина удивленно вскинуть брови. Нет, его внимание привлекла хозяйка скромного рабочего места – Нина Ивановна. Она оказалась уже весьма пожилой дамой, чуть полноватой, но все еще держащей спину ровно. Темно-синее строгое платье, одинокая нитка жемчуга на шее и пуховой платок, накинутый на плечи, навевали Алексею мысли о строгой школьной учительнице. Белые щеки, ровный нос, сжатые в полоску сухие губы и копна седых волос, почему-то отливавших фиолетовым оттенком, тоже производили гнетущее впечатление. Но не ее глаза. Живые, абсолютно черные, грозно блестящие глаза, каких не бывает у людей.

Борода стоял спиной к другу, но, кажется, затылком почувствовал, как напрягся Кобылин, почуявший вампира. Гриша развел руки, отвесил шутовской поклон, при этом умудрился чуть шагнуть назад, оттесняя охотника своей объемистой пятой точкой обратно к двери. Это не помогло. Кобылин легко шагнул в сторону, мягко обогнув Гришу, и при этом так и не отвел взгляда от черных глаз упырицы.

Она лишь чуть повернула голову, не отрывая взгляда от лица Алексея. Ее лицо оставалось абсолютно бесстрастным, но живые черные глаза грозили прожечь дырку в охотнике, посмевающим вторгнуться на ее территорию.

– И снова здравствуйте, – напомнил о себе Борода, шагнувший вперед и попытавшийся встать между охотником и упырицей. – Позвольте представить, хм... Нина Ивановна, это наш новый сотрудник, Алексей.

Ни упырица, ни Кобылин не произнесли ни слова. Оба застыли. Казалось, еще миг, и между ними раскинется сеть ветвистых электрических разрядов.

– Алексей, – с наигранной радостью провозгласил Борода, хотя в его тоне скользили нотки отчаянья. – А это наш главный специалист по архивам, очень ценный сотрудник – Нина Ивановна! Прошу любить и жаловать!

Упырица дрогнула, повернула голову и вперила обжигающий взгляд в лицо Гриши. Тот сразу поник, погрузился и двинулся в сторону – бочком, как краб.

– Григорий! – прошипела ценный сотрудник. – Сколько можно повторять? Ноги! Ноги надо вытирать! Еще раз замечу, что вы шли по переходу, а после принесли ко мне всю ту чудовищную плесень на ботинках...

– Так тряпки нет, – тоном виноватого школьника забубнил Борода. – Нет там тряпки, не обо что вытереть...

Кобылин сморгнул, подумав, что все это ему чудится. Но нет – архив, упырица, виноватые школьники, а в самом темном углу стеклянный шкаф серверной стойки, внутри которого мигают огоньки на патч-панели. Что вообще тут происходит?

Нина Ивановна тем временем смилостивилась, отвела убийственный взгляд от Бороды и взглянула на недоумевающего охотника. Строго, твердо, но уже без той убийственной силы.

– Кобылин, – выдохнула она, словно выстрелив этой фамилией в полутьму комнаты. – Наслышана. Руки.

– Что – руки? – опасливо осведомился Кобылин после минутной паузы.

– Руки мойте тщательней после посещения общественных мест. Сейчас на ваших ладонях я чувствую три вида плесени. Все эндемики, без неприятных сюрпризов, но в этом районе могут встретиться опасные гости из других регионов.

Кобылин чудовищным усилием воли подавил порыв взглянуть на свои мигом зачесавшиеся ладони и, не отводя взгляда от черных зенок, постепенно становившихся похожими на обычные старческие глаза, легонько наклонил голову, изображая поклон.

– Благодарю за предупреждение, – вежливо сказал он.

– Вот я и говорю, – тут же встрял воспрявший духом Борода. – Тут находится крупнейший архив данных, в котором содержится просто невероятное количество сведений о самых разнообразных существах.

Алексей еще раз окинул взглядом тесную комнатку, забитую шкапами и полками.

– В бумаге? – тихо спросил он.

– В основном, – отозвалась Нина Ивановна. – Перенос данных на цифровые носители идет очень медленно. К сожалению, по понятным причинам, мы не можем прибегнуть к услугам широкого круга лиц для ускорения процесса. И, что совсем плохо, не можем нанять постороннюю фирму для потокового сканирования архивов на планетарных сканерах, как это делают для других данных.

– Понимаю, – коротко отозвался Алексей.

– Но, – тут же встрял Гриша, – если тебе, Алексей, понадобятся сведения о каких-то незнакомых тебе, кхм, существах, ты всегда можешь обратиться сюда. В архив.

– С девяти до шести, – уточнила Нина Ивановна, ценная упырица. – Можно подать форму запроса в вольной форме, например, заявление, написанное от руки. Оно будет зарегистрировано должным образом, а необходимые для работы данные будут предоставлены на месте. Если они будут в наличии.

– Благодарю за разъяснение, – выдавил из себя Кобылин, слишком потрясенный, чтобы связно выразить обуревавшие его эмоции.

– Вот и чудесно, – выдохнул Борода и попятился к двери. – Спасибо, Нина Ивановна, мы пойдем дальше, не будем вам мешать.

– Ноги! – напомнила упырица, решительно выставив вперед округлый старческий подбородок. – Ноги, Григорий!

– Всенепременно, – выдохнул Борода, прижимая пухлую ладонь к лацкану пиджака и легко выпархивая в коридор.

Кобылин, шедший следом, на секунду задержался. Обернувшись, он бросил взгляд на Нину Ивановну, внимательно смотревшую вслед гостям. Долгую секунду охотник и упырица разглядывали друг друга, прикидывая, как бы оно все пошло, если бы они встретились в другом месте, в другие времена. Наконец сухие губы упырицы тронула легкая, едва различимая простым смертным, улыбка. Кобылин же легонько склонил голову, отвесив хозяйке кабинета едва заметный поклон, и вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Борода стоял в паре шагов от него, отчаянно терзая толстыми пальцами узел галстука в напрасных попытках его ослабить.

– Это что сейчас такое было? – едва слышно выдохнул Кобылин, подходя ближе.

Гриша стрельнул глазами в сторону двери, указал пальцем на собственное ухо. Потом подхватил друга под локоток и потянул дальше в глубь коридора.

– Сейчас, – пробормотал он. – Еще одно местечко. Потом наружу, на свежий воздух. Там и поговорим. Понял?

Кобылин кивнул и двинулся следом.

Темный коридор становился шире с каждым шагом, и через десяток шагов Кобылин обнаружил, что в стене виднеется нечто похожее на створки старого лифта. Такое устройство он видел раньше только в кино – кажется, в старых домах, так передавали подносы с едой с этажа на этаж.

Но поразиться Кобылин не успел – Борода увлек друга за поворот, на котором вполне могла развернуться легковая машина. Алексей по инерции прошел пару шагов, а потом остановился.

Расширившийся коридор окончился огромной дверью, сквозь которую свободно проехала бы та самая машина, что успела развернуться в коридоре. Дверь выглядела как серая стальная плита и, судя по заметным царапинам, могла спрятаться в стену, открывая проход... куда?

Задавать вопрос Кобылин не стал – он успел заметить, что у самой двери стоит крохотный письменный стол на железных ножках, больше напоминающий школьную парту. За столом, на хлипком стульчике сидел крепкий, коротко стриженный паренек, с интересом рассматривающий гостей. На нем был обычный серый костюм, но Алексей легко мог представить этого парня в форме с погонами. На столе было пусто – черный телефонный аппарат, старый, дисковый, да рядом с ним журнал посещений, заложенный карандашом, словно закладкой.

– Салют! – небрежно бросил Борода, подходя к столику. – Скучаешь?

Парень невольно стрельнул глазами на столешницу, и на его лице мелькнуло виноватое выражение. Кобылин сначала удивился, но потом заметил, что журнал посещений явно лежит на чем-то тоненьком – например, на планшетном компьютере.

– Некогда скучать, Григорий Степанович, – солидно, баском, отозвался паренек. – Вот сейчас и вас запишем...

Охранник потянулся к журналу, потом сообразил, что под ним прячется, и воровато отдернул руку.

Кобылин откровенно ухмыльнулся и окинул взглядом площадку у дверей. Скромно. Очень скромно. Кроме стола с охранником, у мощной двери разместились: большая красная кнопка прямо на стене рядом с дверью – одна штука. Жутковатого вида заржавленный рубильник рядом с кнопкой – одна штука. И прямо напротив стола, на стене – щит пожарной охраны. Красный. Одна штука. К щиту были прикручены лом, топор, два конических ведра и что-то напоминающее пожарный рукав. Под стендом стоял ящик с песком, в котором виднелись бычки как минимум сорокалетней давности. А рядом висел пожелтевший листочек бумаги, гласивший, что ответственным за пожарную безопасность назначается тов. И. И. Пламенеев. Листочек был отпечатан на печатной машинке, и Алексей не удивился, если бы ему сказали, что тов. Пламенеев умер своей смертью, от старости, еще в прошлом веке.

Краем глаза он следил за тем, как Борода тихонько подначивает покрасневшего охранника, выспрашивая того о самых новых моделях планшетов. Поймав взгляд Григория, охотник едва заметно кивнул – мол, осмотрелся, порядок.

Борода широко улыбнулся, похлопал охранника по плечу, пожелал счастливой смены, уточнил, что Сергей будет завтра, а Семен на дверях. После чего развернулся и пошел обратно по коридору. Кобылин двинулся рядом, подстраиваясь под широкий шаг напарника.

Сохраняя абсолютное молчание, друзья свернули за угол, и Борода побрел к лестнице, что располагалась недалеко от входа в архив. У Кобылина на языке вертелась сотня вопросов, и он едва сдерживался, чтобы не дать хорошего тумака Григорию, устроившему весь этот цирк. Сдерживало его только одно – за стеной сидела упырица с тонким слухом, а позади остался охранник. Пожалуй, тут не место для семейных сцен.

Борода же сохранял спокойствие, словно ничего и не произошло. Он медленно подошел к проему в стене и начал подниматься по лестнице, тяжело топая по тонким ступеням из листового железа. Кобылин двинулся следом, чуть остыв и порадовавшись, что ему не придется возвращаться обратно тем чудовищным коридором.

Лестница оказалась короткой – всего пара пролетов. Она вывела друзей в небольшую квадратную комнату, с одной-единственной дверью, у которой стоял крохотный стол, охраняемый коротко стриженным пареньком, копией того, что остался в подземелье. Увидев Григория, он нахмурился, смерил грозным взглядом Кобылина и коротко кивнул.

Борода махнул охраннику рукой, поманил за собой Кобылина и молча прошел мимо стола. Приложил к замку пластиковую карточку, распахнул дверь, ловко выпорхнул наружу. Кобылин шагнул следом и с ходу окунулся в жаркое августовское утро. Прямо перед ним раскинулся огромный пруд, вокруг которого вилась асфальтовая дорожка. По воде, между деревянных домиков скользили утки, лебеди и еще десяток водоплавающих пичуг, которых охотник не смог опознать.

Потрясенный, Кобылин обернулся и окинул долгим взглядом железные решетки, скамейки, лестницу. Взгляд его задержался на крохотном домике, из которого они только что вышли. Он стоял в самом углу забора – розовый, двухэтажный, и напоминал небольшую четырехугольную башню. Сделанную просто так, для красоты.

– Ну да, – тихо сказал Борода, вынимая из кармана темные очки. – Зоопарк. Пройдемся?

– Пожалуй, – медленно отозвался Кобылин. – Где тут выход?

Борода медленно, прогулочным шагом двинулся вперед, выходя на дорожку у пруда. Кобылин двинулся следом, с интересом посматривая по сторонам. Посетителей этим утром было мало. Пара детских компаний растянулась вдоль пруда, галдя и чирикавая не хуже обитателей самого пруда. Десяток взрослых, присматривающих за детьми, озабоченно крутили головами, пытаясь удержать всех подопечных в поле зрения. Никому не было дела до двух мрачных типов в темных костюмах, неторопливо прогуливающихся по краю дорожки. И уж точно никто не прислушивался к их тихой беседе.

– Ты уж прости за эту шоковую терапию, – виновато произнес Борода. – Хотелось показать тебе это местечко, сразу, в первую очередь, чтобы ты проникся духом предстоящей работы.

– Ладно, – сдержанно отозвался Кобылин. – Считаю, что проникся. Старье, разруха, бюрократия, недостаток финансирования.

– Ну, не так все плохо, – буркнул Борода. – Но в целом да. Это тебе не нанотехнологии. Просто держи это в уме при работе. Делай скидку на особенности отечественного бюрократостроения.

– Даже не знаю, зачем я все это слушаю, – отстраненно заметил Кобылин, посматривая на уток, плещущихся у самого бортика. – Кой черт понес меня на эти галеры?

– Надо, Леша, надо, – со вздохом произнес Борода. – Надо как-то выходить из партизанских лесов, надо работать легально. Не все же по подвалам скрываться. Помнишь, сам говорил.

– Помню, – не стал отпираться Кобылин. – Я все понимаю. Появились деньги. Финансирование, прикрытия. Это все отсюда?

– Ну, примерно, – отозвался Григорий. – Смысл в том, что мы работаем теперь официально. На кого надо, кем надо, и далеко не все о нас знают, но зато те, кому положено, – знают. Понял? Мы уже не кустари-одиночки с моторами, у нас документики имеются. И когда кто-нибудь спросит, а какого вы тут делаете, мы вежливо ответим, а вот мы люди маленькие, звоните, пожалуйста, кому надо. Вам расскажут, что мы тут делаем. Если вам положено это знать.

– Ну, – Кобылин с досадой хмыкнул. – Ты уж не упрощай. Не с ребенком говоришь.

– Да вот порой кажется, что именно с ребенком. – Борода откровенно вздохнул. – Леш, ты не напрягайся. Я буду тебе звонить, говорить, что делать, вы с ребятами будете решать проблему, вот и все.

– И никаких вольных походов по ночам? – спросил Кобылин, резко останавливаясь. – Конец свободной охоте? Делай, что скажут?

– Ты не нагнетай, – попросил Гриша. – Надо будет охотиться, охотья. Тебя же с пути и бульдозером не свратишь. Просто будем записывать, что где да как. Отчитываться.

Кобылин помолчал, провожая взглядом выводок утят, отчаянно пытавшихся догнать маму утку, скользившую по волнам к центру пруда.

– Ладно, – веско уронил он. – С этим разберемся по ходу дела. А что это был за подвал и на кой черт мне про это знать?

– Это зоопарк, Леша, – отозвался Борода, поправляя черные очки. – Зоопарк с номером два. Или литерой “бэ”, это как тебе удобнее.

– А подробнее?

– Тебе полную авторизованную версию? – без тени иронии осведомился Григорий.

– Пожалуй, лучше краткое содержание предыдущей серии, – так же серьезно отозвался Кобылин.

– Значит, так, – начал Борода, бесцеремонно засунув руки в карманы пиджака и пнув лакированным ботинком подвернувшийся камешек. – Когда-то давно тут были звериные ямы. В них держали диких зверей, для немудреных кровавых забав городской публики. Потом в ямах стали появляться гости – оборотни, домовые, крысы, душегубы и прочая нечисть, которой не поздоровилось попасться живой в руки горожан. Потом это превратилось в подземную кунсткамеру для развлечения, так сказать, тогдашних VIP-персон. Кроме того, это заведение успешно служило тюрьмой для существ, вызвавших неудовольствие своих, как бы это сказать, родственников. Позднее, так сказать, в царские времена, поверх тюрьмы отгрохали зоопарк. Очень удобно. Много людей, звери, клетки, цепи. С обслуживанием нет проблем, с кормежкой. Ну, корова туда, корова сюда, никто и не заметит, сам понимаешь.

– Понимаю, – Кобылин кивнул, – очень удобно. А дальше?

– А дальше... – Борода остановился, окинул взглядом пруд, обернулся к напарнику. – Дальше все это захирело. Во время революции всем было начихать. Все, кто мог бегать, – разбежались. Всем не до того было. И лишь много позже, уже после войны, здесь организовали лабораторию. Изучали, понимаешь, на правительственном уровне некоторые забавные организмы. И, думаю, ты не удивишься, когда узнаешь, что изучением занимались

тоже весьма примечательные организмы. В основном.

– Дай догадаюсь, – буркнул Кобылин. – В Перестройку опять все зачало. Кто мог убежать – убежал, уполз, упрыгал. Всем опять было начихать. А теперь что – все начинается заново? Собирают новую коллекцию?

– Ну, пожалуй, что нет, – отозвался Борода. – В целом это место сейчас – огромный архив. Невероятно ценный. В его сохранении заинтересованы как мы, так и представители, кхм, ну ты понимаешь – не совсем стандартной общественности.

– Как ты ловко их обозвал, – сдержанно отозвался Кобылин. – А то я не знаю, что упыри и оборотни делят власть, а порой рвут друг друга в клочья за местечко у кормушки. Лучше скажи, сейчас там, внизу, есть кто-то?

– Ничего такого, – отмахнулся Борода. – Если ты думаешь, что там в цепях сидит Дракула, дожидаясь своего часа, то – нет. С другой стороны, там есть пара каких-то опасных организмов. Я даже не знаю каких, честно. Еще не добрался. Но еду туда подкидывают из зоопарка, а раз в месяц приходят с проверками.

– Люди в черном?

– Ну, не совсем люди, – протянул Гриша. – Но в целом да. В черных костюмах.

Кобылин задумчиво оглядел детишек, толпившихся у пруда, встревоженных взрослых, белых лебедей, уток...

– Мы их душили-душили... – пробормотал он.

– Что? – вскинулся Борода. – Кого душили?

– Значит, отловом заниматься не будем? – спокойно спросил Кобылин.

– Никаких отловов, – пообещал Гриша. – Я серьезно. Все остается по-прежнему.

– Ты это уже десять раз повторил, – беззлобно ухмыльнулся Алексей. – Значит, точно что-нибудь изменится.

– Да я...

– Забей, – бросил Кобылин. – Я все понял.

– Что ты понял? – надулся Борода. – Я тут ему все на тарелочке, а он...

– Первое, – Алексей поднял руку и загнул указательный палец. – Ты показал мне государственный орган, который занимается делами нечисти. Второе – эта самая нечисть преспокойно работает в этом органе. Кстати, почему именно упырица?

– А кто, по-твоему, будет сутками сидеть в сыром подвале без окон и дверей? – буркнул в ответ Борода. – Да еще в полутьме. Тут упырям и карты в руки.

– Ладно, – отмахнулся Кобылин. – Третье. Ты провел для меня небольшой экскурс в историю, рассказав, что это уникальное место – самая обыденная штука, о которой за ненужностью помнят только узкие специалисты.

– И какой ты делаешь вывод из всего этого? – скептическим тоном осведомился Гриша.

– Вывод такой, – тихо отозвался Кобылин. – Ты подводишь меня к идее, что мир устроен совсем не так, как мне представлялось пару лет назад. И даже не так, как мне представляется сейчас. Ты хочешь дать понять, что все эти монстры – вовсе не реликты древних лет, не остатки истребленных человеком племен, а вполне себе жизнеспособные наши соседи. И очень надеюсь, что просто соседи, а не хозяева.

– М-да. – Борода снял очки, прикусил дужку и смерил друга долгим взглядом. – Ну в целом...

– Спешу сообщить, – сухо заметил Кобылин. – Я, в общем-то, давно до этого дошел сам. Одна тусовка оборотней в погонах чего стоит. Я понимаю, что это не единичный случай. А

вот не понимаю я того, почему все это по-прежнему тайна. Казалось бы, при таком раскладе мы давно должны жить в мире, где в соседнем доме живет семья разумных крыс, а ночью под окнами воют не коты, а оборотни.

– Не так все было, барин, – задумчиво произнес Борода. – Понимаешь, их, всех их – много. Но тех, кто живет рядом, – мало. Наиболее антропоморфные – оборотни и упыри – участвуют в нашей общественной жизни на равных с нами. Ты зря их воспринимаешь как расу. Воспринимай их как национальность. Да, они лезут в политику, протаскивают своих на теплые места, сколачивают состояния, разоряются в прах и даже стреляются от безысходности бытия. Серебряными пулями. Это – общество. Да, определенные лица знают больше, чем другие. Есть некая прослойка, с которой обычный человек не сталкивается на улице. Ну те же политики, например. Или олигархи. Ты знаешь, что они есть, занимаются своими делами, у них своя компания, но ты никогда с ними не встретишься. Вот есть и общество, ну, скажем, другой стороны. Свои кланы, свои разборки, свои интересы... Часть цивилизации.

– Общество другой стороны, – буркнул Кобылин. – И кого же из этих твоих других олигархов я гоняю ночью по улицам?

– А ты их не гоняешь, – спокойно отозвался Борода. – Ты гоняешь тех, кто не хочет быть частью цивилизации. Отморозков. Мусор, который нужно убрать.

– Ну спасибо, открыл глаза, кэп. А то я не знаю.

– Ты много чего не знаешь, Леша, – очень серьезно сказал Борода. – Но далеко не все можно взять и рассказать.

– Кое-что нужно показать, – согласился Кобылин. – Ну и что же ты хочешь мне показать в следующий раз?

– Сюрприз, – Гриша ухмыльнулся. – Тебе для этого понадобятся две вещи – хороший костюм и умение не бросаться первым на нечисть.

– Так. – Кобылин остановился. – Это что, ты меня проверял? Это что сейчас было, репетиция?

– Вроде того, – не стал отпираться Борода. – Инстинкты свои научился держать на привязи. А вот с костюмом надо что-то делать.

– У меня от тебя голова болит, – пожаловался Кобылин. – Не можешь прямо сказать, что тебе от меня надо?

– Надо, чтобы ты постепенно перестал быть машиной для убийств, – отчеканил Борода. – Достаточно прямо?

– Это в каком смысле? – искренне поразился Кобылин. – Я же... это же единственное мое достоинство! Я – охотник!

– Ты идеальный солдат, – признал Борода. – Даже, скорее, идеальный сержант. Великолепный исполнитель. Непревзойденный. Супер-гений спецопераций. Но, Лешенька, нельзя всю жизнь в сержантах проходить. У тебя есть все для того, чтобы двигаться дальше. Вот и надо потихоньку двигаться.

– Куда двигаться? – шепотом осведомился Кобылин, чувствуя, как у него волосы встают дыбом.

– Вперед, Лешенька, – спокойно отозвался Борода. – Хороших исполнителей всегда намного больше, чем хороших руководителей. Кто-то, кто хорошо разбирается в одном деле, рано или поздно должен начать руководить другими, чтобы его опыт не пропал зря. Такие люди, спецы в своем деле, везде ценятся на вес золота.

– Ты что, – протянул Кобылин. – Предлагаешь мне открыть школу охотников?

Борода остановился и глянул поверх очков прямо в лицо Кобылину.

– Вот дубина, – расстроено сказал он. – Я тебе прямым текстом, как ты просил, а ты...

Хотя, может, и рановато, в самом деле.

– Гришенька, – в тон ему отозвался Кобылин. – Ты не томи, ты дело говори. А то как случится со мной какой-нибудь психический приступ... Я человек контуженый, сам за себя не отвечаю...

Борода промолчал, но взгляда не отвел – все так же придирчиво изучал своего друга, словно тот был интересным экземпляром в музее. И под этим взглядом Алексей вдруг почувствовал себя очень неудобно. На миг ему показалось, что из-под черных очков на него смотрит не Борода, веселый толстячок, а совсем чужой, посторонний человек, которого он вовсе и не знает.

– Вот не пойму я тебя, – тихо сказал Гриша. – То ведешь себя как взрослый, а то ляпнешь такое, что хоть стой, хоть падай.

– Ну, – насупился Кобылин. – Чего я сказал-то?

– Да ничего, – отмахнулся Борода. – Замнем. Потом поговорим. Вон люди на нас уже оборачиваются.

– Да я только хотел сказать...

– Ой, все, – бросил Гриша, – проехали. На сегодня свободен.

– Ну и хрен с тобой, – обиделся Кобылин. – Тоже мне, мастер дзена. Наводишь тень на плетень в ясный день.

– Леш, забей, – примирительным тоном произнес Борода. – Давай постепенно. Сейчас – все как раньше, охота, все дела. Потом потихоньку разберемся. Посмотришь, что я тебе хочу показать, а потом еще за жизнь поговорим, идет?

– Ладно, – буркнул Кобылин, рассматривая выход из зоопарка. – Ты сейчас куда?

– Да вот, пойду отчет писать, – бросил Гриша. – О проделанной за сегодня работе. А ты?

– Соревнования по паркуру в юго-западном округе, – отозвался Кобылин. – Погляжу на ребят, такие штуки вытворяют, просто загляденье.

– Паркур? – Борода хмыкнул. – В наше время это называлось – пойдем по стройке полазаем.

– В твое время? Это когда, при царе-батюшке? Тебе сколько лет-то, отец?

– Мне триста лет, я выполз из тьмы, – с серьезным видом процитировал Борода.

– Выползень, – с чувством произнес Алексей.

– Ступай уже, молодежь, веселись, – отмахнулся Гриша. – Я позвоню, если что.

Кобылин ухмыльнулся, хлопнул друга по плечу и двинулся в сторону ворот. Этот выход из зоопарка выходил на другую улицу, но Алексей эти места знал и представлял, как можно быстро пройти к метро.

Когда он подходил к воротам, улыбка сползла с его губ. Эта дружеская пикировка с Гришей, так похожая на их обычные взаимные подколки... Но не в этот раз. Что бы ни пытался сказать Борода, он так ничего и не сказал. Алексей, конечно, догадывался, о чем идет речь. Но хотел, чтобы Гриша сказал ему об этом сам. В лицо. Как друг. Как напарник. Вот тогда и можно будет поговорить серьезно. Впрочем, в одном Борода был прав.

Выйдя из ворот, Кобылин огляделся и двинулся в сторону метро, доставая на ходу из кармана телефон. Не глядя под ноги, он быстро открыл браузер и забил в поиск всего пару слов – мужские костюмы.

Кобылин не знал, кто придумал называть лофтом любой мало-мальски просторный подвал. Нет, он знал, что означает это слово, знал и об индустриальных районах Нью-Йорка, и о галереях в покинутых из-за возросшей аренды заводских цехах, и о фабрике Уорхолла... Чего он не мог взять в толк, так это почему сейчас лофтом обзывали все, что имело хотя бы одну ободранную кирпичную стену. Вот сказал где-то один, а остальные как попугайчики тупо, с горящими глазами, повторяют модное слово...

Свой «лофт» Кобылин нашел сразу, как только стали поступать деньги от новых спонсоров. Помня о своих метаниях по чердакам и подвалам, он сразу решил, что снимет, конечно, обычную квартиру. Но гнездо совет совсем в другом месте. Пришлось, конечно, побегать, но в конечном итоге ему повезло. Подвернулось то, что риелторская контора обозвала модным словом «лофт». На деле оказалось, что это одноэтажная пристройка к жилому зданию – раньше в таких местах располагались овощные или хозяйственные магазинчики.

Вот и это место в советские времена было магазином, потом складом, потом офисом, потом тренажерным залом, а потом захирело настолько, что было заброшено. Одинокая труба, пара батарей на весь подвал – да что там, и окон-то нормальных нет. Витрину так часто били, что предыдущий хозяин наглухо заложил ее кирпичом, превратив в неприступную стену с крохотной железной дверкой. За ней скрывался небольшой холл, заставленный строительным мусором. Дальше шли коридоры с отдельными комнатками, оставшимися от периода офисов, а заканчивались они двумя большими залами, когда-то служившими складами. Залы были пустыми и темными – у них имелись только крохотные окошки высоко под потолком. Узкие, такие, что сквозь них не пролезть человеку, забранные наглухо железными решетками, они являлись отверстиями для вентиляции, а не окнами. И все же немного света они пропускали – ровно столько, чтобы осветить сложенные штабелями мешки с цементом, деревянные козлы, испачканные краской, высокие ровные столбцы деревянных паллет – поддонов, старые шкафы, ящики и прочее барахло, навечно застывшее в состоянии едва начавшегося ремонта.

Весь этот бардак отпугивал потенциальных съемщиков, не желавших вкладываться в новый ремонт вусмерть разбитого здания. А вот Кобылину этот темноватый лабиринт приглянулся. Он без труда перебил цену агентства, сообщил заинтересованным лицам, что хочет сделать там склад пустой стеклянной тары, а пока собирает деньги на ремонт. После чего забился в этот уголок, поставил новые двери с новыми замками и принялся вить гнездо.

Никто его не тревожил – обитатели соседних многоэтажек давно привыкли к заброшенной пристройке и равнодушно шагали мимо изрисованных яркими красками кирпичных стен. Кобылин тоже особо не светился – заходил с черного хода, расположенного с противоположного, от жилых подъездов, конца. Вскоре он обустроил дом по своим меркам и даже немного обжил его – когда Лена согласилась разделить с ним это странноватое и мрачноватое жилье. И забросил его наглухо в тот же день, когда Лена собрала вещи и ушла.

И только сегодня, месяц спустя, Алексей решил, что настала пора взять себя в руки и вернуться в заброшенный дом. В конце концов, там оставались и его вещи.

Сжимая под мышкой большой пакет из магазина одежды, Кобылин быстро отпер железную дверь, привычно зыркнул по сторонам и вошел в свой лофт со стороны черного

хода. Захлопнул дверь, не забыл набросить засов и только после этого щелкнул выключателем на стене.

Люстрами он так и не обзавелся, поэтому помещение озарили лишь тусклые лампочки Ильича, печально свисавшие с потолка на голых проводах. Стараясь ступать аккуратно, Кобылин прислушался к пустому зданию – скорее по привычке, чем по необходимости, и лишь потом двинулся во второй зал, служивший ему жилой комнатой.

Здесь, в большом зале, было прибрано, а окна под потолком плотно закрыты железными ставнями. Лампочек здесь не было – лишь у входа, да прямо по центру зала стояла пара торшеров, служивших источниками света. Они очерчивали вокруг себя светлые круги, а высокий потолок терялся в темноте.

Кобылин обогнул ряд старых шкафов, служивших залу внутренней стеной и деливших зал пополам, обогнул большой обеденный стол со стульями и вышел к дивану, стоявшему между двух письменных столов. Позади дивана высились еще пара шкафов, создавая иллюзию отдельной комнаты, появившейся прямо посреди пустого зала.

Швырнув пакет с одеждой на диван, Кобылин вытащил из шкафа ноутбук – тот самый, прошедший с ним огонь и воду, – положил на стол, включил. Пока он загружался, охотник успел достать из другого шкафа небольшой проектор – такой обычно использовали на выездных презентациях менеджеры самого разного звена – и подключил его к удлинителю.

Пока прогревалась лампа проектора, Кобылин отошел к другой паре шкафов, образовывавших соседнюю стену. Распахнул дверцы, глянул в зеркало, что расположились на одной из них, а потом окинул взглядом забитые одеждой полки.

Переоделся он быстро. Маловатый костюм отправился на нижнюю полку с ненужным барахлом, а его место быстро заняли удобные широкие джинсы, плотная футболка и ветровка из чертовой кожи с десятком удобных кармашков. Облачившись в домашнюю одежду, Кобылин испустил вздох облегчения и вернулся к своему компьютерному столику.

Подключив ноут к проектору, охотник выбрал нужный файл, потом чертыхнулся и подошел к большой пластиковой доске на ножках. Сорвав с доски потрепанный кусок мешковины, Кобылин воззрился на лабиринт, нарисованный на доске черным фломастером.

На первый взгляд, в этом хаотичном нагромождении линий не было никакого смысла. Черточки, линии, кружочки, большие и малые дуги, стрелочки – все это хаотично усеивало пожелтевший пластик доски. Тронув пальцем кончик носа, охотник отступил в сторону, и свет проектора упал на доску, наложив нужную картинку на хаос черточек.

На доске появились надписи. Подписи. Заметки. Теперь линии вели от одного названия к другому, кружки объединяли в себе заметки, и бессмысленный хаос в одно мгновение превратился в осмысленную схему.

Алексей задумчиво шагнул вперед, вытянул руку и медленно, кончиком пальца, стер одну из линий, ведущих к жирной надписи «ОРДЕН». Потом взял фломастер и так же медленно провел новую линию – к точке, озаглавленной «Гриша». Потом отступил на шаг и окинул доску долгим взглядом – как художник, любующийся удачным мазком.

Блок «ОРДЕН» занимал на доске вовсе не центральное место, нет. Он примостился к краю, и хотя от него исходил десяток разных линий, блок был не самым большим. В центре доски красовались три жирных вопросительных знака, от которых исходил целый пучок пунктирных линий, расходящихся во все стороны, подобно солнечным лучам. Одни линии заканчивались именами, другие названиями, а некоторые маленькими знаками вопроса.

Решившись, Алексей шагнул вперед, стер один из маленьких вопросов и парой взмахов

начертал вместо него «ЗОО», прочертил от буквочки линию к соседнему значку, заменил его на «Министерство», а потом соединил обе новые точки с «Гришей».

Швырнув фломастер на подставку, охотник вернулся к столу, с размаху сел на заскрипевший диван, решительно придвинул к себе ноутбук и застучал по клавишам, открывая новые окна поиска.

Расследование шло медленно. Информации было очень мало, ее приходилось собирать по крохам, тщательно отфильтровывая слухи и легенды. И все-таки усилия Кобылина приносили свои плоды. Постепенно перед ним вырисовывалась схема того самого «другого общества» о котором сегодня пытался толковать Гриша. Алексей, конечно, мог ему прямо сегодня рассказать, что он знает о трех старейших кланах, забравших в свои руки управление банковской системой – еще лет сто назад, – но... Ничего он не сказал и о паре известных политиков, за спинами которых маячили мрачные тени кукловодов. Умолчал и о том, что давно наблюдает за грызней среди силовиков, где оборотни меж собой делили новые посты. Он умолчал обо всем, что знал, в том числе и о том, что Орден – всего лишь одна из многих организаций, пытавшихся подмять под себя вольных охотников. На самом деле, чем больше Кобылин собирал слухов, тем отчетливее понимал, насколько мало ему известно. Кто, зачем, почему... Как. Нет, сейчас не время говорить, сейчас время – слушать. Внимательно, настороженно, прикидываясь тупым, дурным, слабоумным и слабовольным. Ибо молчание золото, как гласит мудрость веков. А слово не воробей.

Склонившись над клавиатурой, Алексей выбрал один из закрытых сайтов потокового анализа информации, вбил купленный за большие деньги пароль и погрузился в чтение сотен тысяч упоминаний о странных происшествиях. Информация. Ему чертовски нужна была информация. Наступил вечер, и рабочий день охотника только начинался...

* * *

Переступив порог кабинета, Григорий демонстративно-медленно снял черные очки и огляделся. Полумрак. Всегда этот проклятый полумрак. Огромная комната располагалась на втором этаже, но окон здесь не было. Освещение – всего пара настенных светильников, выглядевших как одинокие тусклые свечи. Из темноты в углах проступали ряды книжных шкафов, в центре виднелись зыбкие очертания большого журнального стола, окруженного массивными кожаными креслами. Хорошо был виден только письменный стол у дальней стены – широкий монстр из темного дерева, с резьбой и завитушками, выстланный зеленым сукном и уставленный бронзовыми офисными безделушками. Подставки под карандаши, перекладные календари, ежедневник в кожаной обложке, часы в виде старинного замка. Хорошо было видно и хозяина кабинета, склонившегося над столом и что-то писавшего в записной книжке с обложкой из светлой кожи.

Дверь за спиной Бороды закрылась с глухим лязгом. Хозяин кабинета медленно поднял голову. Выглядел он худощавым, высохшим, словно недавно перенес серьезную болезнь. Но плечи у него были широкие, как у пловца, руки длинные, мощные, с широкими ладонями и длинными пальцами. На узком худом лице торчали скулы, а подбородок, выдававшийся вперед, был острым, словно пика. Маленькие узкие губы были почти бесцветными – как и маленькие глаза, строго глядящие на бумагу из-под белых, почти бесцветных бровей. На вид ему было лет сорок. А может, и все сто.

Хозяин кабинета медленно выпрямился, окинул гостя суровым взглядом, потом медленно кивнул на стул, расположившийся ровно напротив его стола.

– Проходите, – тихо сказал он. – Присаживайтесь.

Борода развязно сунул руки в карманы пиджака, медленно прошел через весь кабинет к столу. Ему не нравился этот стул – очень простой одинокий стул прямо напротив богатого стола хозяина кабинета. Было в этом что-то унижительное – сидеть на деревяшке ровно, глядя на хозяина снизу вверх. Это место для просителя, не для партнера.

Опустившись на жесткое деревянное сиденье, Борода поерзал, заставив стул закрипеть, и, не найдя удобной позы, строго глянул на собеседника. Тот ответил совершенно равнодушным взглядом светло-голубых, почти белых, глаз.

– Григорий Борода, – медленно произнес блондин. – Рад встретиться с вами лично. Телефонные звонки, конечно, не могут заменить настоящей беседы.

– Добрый день, Павел Петрович, – мрачно произнес Гриша. – Действительно, думаю, настала пора поговорить.

– Ну что же. – Хозяин кабинета расправил широкие плечи. – Тогда не будем ходить вокруг да около. Поговорим напрямую, а то, боюсь, у нас возникло некоторое непонимание.

– Есть такое, – признал Гриша. – Орден, конечно, сообщил мне о вашем назначении. Но инструкции, которые я получил, несколько двусмысленны. Конечно, я подготовил все отчеты по своей работе, они у меня с собой. Я готов передать все дела...

– Стоп! – Павел Петрович поднял широкую ладонь. – Григорий, давайте внесем ясность. Орден назначил меня куратором, но это не значит, что я готовлюсь вас заменить. Я не собираюсь принимать у вас дела и не собираюсь выслушивать отчеты о проделанной вами работе.

– Но Совет Ордена недвусмысленно переподчинил меня вам, – веско сказал Борода и сердито засопел. – Вся моя работа...

– Вся ваша работа остается при вас, – строго сказал блондин. – Я курирую совершенно отдельный и особый проект. Я выполняю задание Ордена, важное и приоритетное. На это время вы беспрекословно выполняете мои распоряжения. После того как моя работа будет завершена, вы снова останетесь единственным координатором Ордена в этом городе.

– Ах вот как. – Григорий задумчиво коснулся коротко стриженной бороды. – Дело, кажется, проясняется. Признаться, ваша настойчивость при первой нашей беседе меня немного обескуражила.

– Сроки, Григорий, сроки, – напомнил Павел Петрович. – Я должен уложиться в определенное время. А уровень секретности не позволяет мне рассказывать подробности. Именно поэтому, боюсь, мои инструкции были несколько суховатыми и резкими.

– Да уж, – хмыкнул Борода. – Мне показалось, что Орден недоволен моей работой и решил заменить меня.

– Нет, – строго отозвался Павел Петрович, – во всяком случае, я не имею ни малейшего понятия о таких планах. У меня свое дело. Продолжайте работать, как работали. Просто мои поручения должны иметь абсолютный приоритет. Как, кстати, с первым заданием?

– Все прошло удачно, – медленно произнес Гриша. – Я устроил Кобылина в Министерство, провел его по коридорам, сделал все, чтобы его визит не остался незамеченным.

– Превосходно, – сухо сказал блондин, что-то отмечая в блокноте.

– Но, признаться, я не понимаю – зачем, – сказал Борода. – За ним и так следят – все

кому не лень. Визит охотника Кобылина в Министерство вызовет вопросы у многих, скажем так, заинтересованных лиц.

– Ну и чудесно, – отозвался Павел Петрович. – Пусть все заинтересованные лица смотрят на вашего чудо-мальчика.

– Ах вот как. – Борода окинул задумчивым взглядом хозяина кабинета. – Отвлечение внимания. Не кажется ли вам, что это из пушки по воробьям? Кобылин не просто охотник...

– Да, я знаю вашу теорию, – отозвался Павел Петрович. – О том, что этот мальчишка – Аватар. Что рано или поздно в него вселится дух великого воина, а то и древнего полубога. И это будет не Одержание, а полноценное сотрудничество.

– Налицо все признаки такой связи, – быстро произнес Борода. – И подобное сотрудничество откроет для Ордена новые возможности по работе в области охоты и...

– Увольте, – бросил хозяин кабинета. – Мне это не интересно. Для меня он сейчас удобный инструмент – как и вся ваша городская организация охотников. Мои поручения должны выполняться быстро и в срок. Вот в чем основная идея приказа Совета Ордена. Все остальное несущественно. Доступно?

– Понятно, – сухо отозвался Григорий. – И что теперь мне делать с Кобылиным? Есть ли какие-то особые поручения и распоряжения?

Павел Петрович на секунду задумался, и его глубоко запавшие глаза опасно блеснули.

– Пока новых поручений нет, – медленно произнес он. – Пусть Кобылин покрутится у Министерства. Займите его чем-нибудь. Найдите ему какую-нибудь работу, чтобы охотник изображал бурную деятельность. Пусть будет занят.

– Хорошо, – сказал Гриша и, скрипнув стулом, поднялся на ноги. – Еще какие-то поручения есть?

– На сегодня нет, – отозвался хозяин кабинета. – Я позвоню, если возникнет необходимость.

– Тогда до свидания, – буркнул Борода, направляясь к двери. – Будем на связи.

– Всего доброго, – немного рассеянно отозвался хозяин кабинета. – И, Григорий! Я рад, что мы друг друга поняли. Верно, координатор?

– Верно, куратор, – мрачно отозвался Борода, берясь за массивную бронзовую ручку на двери кабинета. – Я тоже этому очень рад.

Не дожидаясь ответа, стиснув зубы, Григорий распахнул дверь кабинета и вышел в коридор. Беседа была окончена.

* * *

Кобылин стоял на самом краю платформы метро и никак не мог оторвать взгляда от черной дыры, откуда должен был показаться поезд. Из темноты уже пошла упругая волна холодного воздуха, несущая с собой запахи тлена и плесени. Тяжелые люстры под потолком начали раскачиваться, скрипя и позвякивая в абсолютной подземной тишине. Абсолютной?

Охотник с усилием оторвал взгляд от черной дыры, глянул на желтоватую плитку на стенах, на серую, потертую платформу... Никого. Только на полу – серые холмики пыли, лишь отдаленно напоминающие очертания человеческих тел. Тусклые краски, размытые тени, словно что-то заслоняет взгляд, что-то серое, липкое. Похожее на паутину.

В лицо ударил новый порыв смрадного ветра, волосы на голове Кобылина встали дыбом,

и охотник невольно отступил на шаг, пытаясь сохранить равновесие. Воздушный поток принес с собой, кроме запаха тлена, еще и звук – едва различимый хруст, словно кто-то раздавил шкурку от ореха. Высохшую, круглую, белую скорлупу, так похожую на человеческий череп.

Руки охотника зашарили по поясу, пытаясь найти оружие, но ни пистолета, ни ножа, ни даже удавки дрожащие пальцы так и не нашли. Спинай Кобылин ощутил чужой взгляд – пристальный и оценивающий взгляд хищника, выбирающего свою цель на сегодня. Алексей внезапно сообразил, что у него за спиной точно такой же черный провал, скрывающий в себе нечто огромное, тяжело дышащее и пытающееся рассмотреть единственного живого человека, оставшегося на пустой платформе...

Разом вспотев, охотник попытался обернуться, чтобы встретиться чужой взгляд, но тело двигалось медленно, неохотно, словно под водой. Или во сне.

Я сплю, внезапно понял Кобылин.

И проснулся.

* * *

Со стоном приподнявшись на скрипучем диване, Алексей с силой потер щеки и уши, пытаясь выгнать остатки кошмара из головы. Проклятый сон постепенно превращался из досадного недоразумения в реальную проблему.

Вскочив на ноги, Кобылин, все еще взъерошенный спросонья, окинул взглядом импровизированную комнату. Шкафы никуда не делись, на столе тускло мерцал ноутбук, а вот проектор отключился и впал в спящий режим. Все было на своих местах. Он так и заснул вчера, прямо на диване, в одежде, не успев дочитать сайт о тайных масонских ложах Петербурга.

Бросив взгляд на часы, Алексей поджал губы и пошлепал в импровизированную ванную комнату. Здесь, в этом заброшенном уголке, была только одна труба с водой – все, что осталось от офисного туалета. Когда-то давно тут стоял умывальник, но Алексей быстро превратил этот уголок в душевую кабинку – всего-то надо было поднять шланг с лейкой повыше да сделать нормальный слив.

Сбросив куртку и футболку, Кобылин быстро умылся, сполоснул рот и пошел в соседний зал, на ходу разминая затекшую шею. Сейчас ему нужно было немного согреться, стереть из памяти проклятые серые картинки и выгнать из живота ощущение холодного комка.

Второй зал, заваленный строительным мусором, вовсе не был заброшен. Напротив, на его обустройство Алексей потратил больше времени, чем на ремонт всего остального. Это было именно то, что ему так не хватало во время скитаний.

Он начал с краю – прямо от входа, без разогрева, без подготовки, скакнул в сторону, легко взбежал по горке деревянных поддонов, подпрыгнул и зацепился за трубу, скрывавшуюся под потолком. Качнулся на руках, разжал пальцы, пролетел над старыми шкафами, едва заметно коснувшись их носком ноги, кувыркнулся, сделал колесо на крохотной площадке, соскочил на пол, пробежался до стены, оттолкнулся от нее ногами, сделал обратное сальто, кувыркнулся по полу. Короткая пробежка до скамейки, стоящая прислоненной к стене, взлететь по ней, еще одна труба, прыжок, стена, еще одна труба, три груды деревянных паллет, край железного шкафа, пол, стена, скамейка, снова труба.

Выдав последний прыжок, Кобылин кувыркнулся на лету, под самым потолком, зацепился ногами за трубу, подтянулся, потом медленно распрямился. Теперь он висел вниз головой, согнув ноги в коленях и болтаясь на трубе, как крючок для одежды. Заложив руки за голову, охотник поднял голову к коленям, разминая пресс. Еще раз. И еще.

Кровь бурлила, заснувшие мышцы, разбуженные внезапной нагрузкой, стонали. За такие рывки любой тренер убил бы спортсмена, гробящего неразогретые связки и мышцы, но Кобылин спортсменом не был. У его работы была одна особенность – она могла прийти внезапно, в любой момент, с любой стороны, и тогда тело должно было в доли секунды выдать все, на что способно. И никого в этот момент не волновало – сделана ли разминка, разогреты ли мышцы, надеты ли защитные перчатки...

В соседней комнате раздалась телефонная трель, прорезавшая тишину подсобки пулеметной очередью. Кобылин вздрогнул, одна нога соскочила с трубы, вторая поехала следом, и охотник рухнул из-под потолка на бетонный пол.

На лету он успел извернуться, словно кот, и приземлился на четвереньки, больно ударившись левой ладонью. Чертыхнувшись, Алексей поднялся на ноги и поскакал в жилую комнату, на ходу помахивая ушибленной рукой.

Это, конечно, был Борода – картинку на его вызов Кобылин подбирал долго и остановился на жирнящем черном коте, чем-то напоминавшем напарника. Впрочем, никто другой и не знал этого номера.

– Не спишь, отец? – выдохнул знакомый басок, когда охотник ответил на звонок.

– Сплю, – не стал отпираться Кобылин. – Как раз девочки в бикини пошли в душ, а тут ты...

– Просыпайся, – буркнул Борода. – Давай, на работу пора.

– Что? – быстро спросил Кобылин. – Дело? Без шуток?

– Да, нарисовалось дельце, – медленно произнес Гриша. – Все как положено, с бумагами и отчетами. Давай собирайся и на южную набережную, к дебаркадеру.

– К чему? – удивился Кобылин.

– К барже! – рявкнул Гриша, явно не расположенный к шуткам. – Баржа там такая плавучая, напротив парка, помнишь?

– А, – скупно отозвался Кобылин. – Знаю. И что там?

– Там чей-то труп, – бросил Борода. – Кто и что – пока неясно, но спихнули дело на нас. Надо разобраться. Я уже еду, ты тоже давай подгребай. Форма одежды парадная.

Алексей опустил телефон, молча глядя на потухший экран. Борода редко вот так вот обрывал звонки – только если не мог больше оставаться на линии. Или был в бешенстве. Но чтобы довести до бешенства Гришу, это надо было постараться. Очень.

Кобылин бросил телефон на диван и отправился в свой импровизированный душ. Дело, конечно, делом, но до набережной не так уж далеко, а если заказывали парадный вид, то...

Минут через десять он уже с раздражением рассматривал себя в мутное зеркало, встроенное в одну из дверок старого шкафа. Да, этот черный костюм со стальным отливом сидел намного лучше прошлого. Да что там, сидел он просто идеально, подчеркивая спортивную фигуру охотника. Вот только он был совершенно не функционален. Даже приличный нож не посадить на ремень – сразу видно. А уж что говорить про пистолет! Ни за спину, ни под мышку.

Прикусив губу, Кобылин взял в руки старенький «глок», приложил к боку, потом к бедру. Что за бред! В голове невольно всплыл отголосок ночного кошмара. Вот он, один, на охоте, и

нет оружия под рукой. Никакого.

Чертыхнувшись, Кобылин положил пистолет на столешницу и принялся стаскивать костюм, зло поглядывая на часы, светившиеся на экране ноута. Хотели по-рабочему? Будет по-рабочему.

* * *

Такси Кобылин отпустил у самого поворота и спустился по набережной пешком, не торопясь, вразвалочку, внимательно поглядывая по сторонам. Парк оказался довольно густым, деревья и заросли кустов вплотную подступали к набережной, выложенной мелкой плиткой. Среди деревьев неожиданно просматривались крыши маленьких домиков – торговых павильонов. Несмотря на густую растительность, место, судя по всему, было довольно людным. Даже сейчас, несмотря на утро рабочего дня, по дорожкам, скрытым густыми кустами, прогуливались и влюбленные парочки, и стайки молодежи.

Хорошенько рассмотрев окрестности, охотник прибавил шагу и двинулся к дебаркадеру – пресловутой барже, причалившей к набережной, да так и вставшей на прикол. Больше всего она напоминала большой плавучий ресторан – высокие стены, большие окна, ровные борта, украшенные рекламными плакатами. Она стояла так близко к набережной, что казалась ее неотъемлемой частью – если бы Алексея не предупредили заранее, он бы принял ее за часть берега, на котором выстроили домик. Но домиком эта штука не была.

Входом на баржу служил широкий мостик, который Алексей рискнул бы назвать трапом, хотя красная ковровая дорожка и золоченые столбики по краям напоминали, скорее, о кинофестивале, а не о морских приключениях. На берегу, у начала дорожки, стоял высокий и широкоплечий парень в кожаной куртке и джинсах. Он курил дешевую папиросу, задумчиво поглядывая на гостеприимно распахнутые двери плавучего ресторана, но не двигался с места. Чуть дальше, в стороне, виднелась белая патрульная машина с синей полосой. В ней виднелись силуэты полицейских, не проявлявших никакого внимания к дебаркадеру.

Напустив на себя строгий вид, Кобылин четким военным шагом двинулся к парню в куртке, охранявшему вход на дебаркадер. Охотник подумал, что если сунуть парню под мышку большую кобуру, то он будет вылитый сотрудник отдела убийств из какого-нибудь детективного сериала.

Подойдя ближе, Алексей сунул руку в карман, вытащил свое новенькое удостоверение и ткнул им в сторону парня, успевшего смерить подозрительным взглядом незваного гостя.

– Министерство Экологии, – буркнул охотник.

Парень в кожанке внимательно оглядел распахнутую книжечку, осмотрел самого Кобылина, хорошенько затянулся и щелчком отправил окурок в мутные воды реки.

– Вам-то зачем? – с неожиданной тоской спросил парень. – Все уже были... И природнадзор, и охрана, и муниципалы. Вот еще департамент охоты. На кого охотиться собираешься?

– Начальство позвонило, я приехал, – сухо отозвался Кобылин. – Понятия не имею, что там. Посмотрю, отчитаюсь...

– Там, – парень махнул рукой и начал выколупывать из мятой пачки новую папиросу. – Хрень какая-то там. И этот еще бородатый... Всех достал уже.

– Бородатый? – насторожился Кобылин.

И не зря – словно в ответ на призыв из черного провала дверей выглянул Гриша – взъерошенный, в костюме, с галстуком, в огромных черных очках. И тут же, увидев напарника, замахал рукой.

– Кобылин! – взревел он. – Опаздываешь! Давай сюда!

Запнувшись, Борода умолк, опустил очки и, словно не веря своим глазам, уставился на подходящего охотника. Кобылин степенно прошествовал мимо, спиной ощущая, как ухмыляется парень в кожанке, наблюдавший с берега за встречей коллег.

Алексей ступил на борт дебаркадера, прошел мимо Бороды и нырнул в полутемный зал, уставленный круглыми ресторанными столиками.

– Ты что, совсем? – зашипел над ухом очнувшийся Гриша. – Кобылин, ты вообще?

Посмотреть, конечно, было на что. Комплект камуфляжа, купленный на распродаже в охотничьем магазине, давно пылился без дела, и вот, наконец, настал его звездный час. Выглядел Алексей колоритно – бесформенная камуфляжная куртка, объемистые камуфляжные штаны, заправленные в резиновые сапоги, камуфляжное кеппи... Дополнял образ зеленый рюкзак и огромный сачок на плече. Строго говоря, это был подсачник, для вытаскивания рыбы, но выглядел он так, словно Кобылин собрался охотиться на гигантских бабочек-мутантов.

– А ты что хотел? – невозмутимо отозвался Кобылин, глядя в лицо Гриши, наливавшееся багрянцем. – Департамент охоты, прошу любить и жаловать.

– Кобылин, – прошипел Борода, грозя другу толстым, как сарделька, пальцем, – ты того, этого. Заканчивай. Как ребенок, ей-богу. Просил же, оденься нормально. Купил же костюм...

– Значит, так. – Охотник резко повернулся, и Гриша чуть не влетел в него. – Пока ты мне не достанешь удостоверение КГБ или, там, ЦРУ, я буду ходить в той одежде, под которую можно спокойно спрятать ствол. И нечего тут ныть о дресс-коде. Такого условия в моем рабочем контракте не было.

Борода, застывший с воздетым к потолку пальцем, медленно поднял руку еще выше и выразительно повертел ей у виска.

– Ты безнадежен, – выдохнул он. – Боже, о чем я только думал. Лещ, ну сам подумай, ну зачем! Ты же внимание лишнее к себе привлекаешь...

– А в костюме с кобурой под мышкой я, значит, внимания привлекать не буду? – яростно зашептал Кобылин. – Или где мне ствол носить? Там, где Маклауд свой меч прятал?

Гриша поджал губы, сурово глянул на друга, тяжело вздохнул.

– Да не нужен тебе ствол, – с отчаяньем сказал он. – Пойми, костюм – это же не зря. И удостоверение... Не все проблемы решаются с помощью оружия. Отвыкай стрелять навскидку, учись работать с административным ресурсом...

– Зачем? – едва слышно спросил Кобылин. – Ну?

– Затем, что пора завязывать с этой беготней по крышам, – сердито бросил Гриша. – Это все для малолеток. Побегал, пострелял и будет. Надо серьезными делами заниматься, с твоим-то опытом. Пострелять – это любой дурак может.

– Ну-ну, – буркнул Кобылин, прищуриваясь, – любой, значит.

– Ой, ладно. – Гриша вскинул руки, словно сдаваясь в плен. – Все, хватит. Потом поругаемся. Давай сейчас к делу, время уходит.

– Ладно, – после минутной паузы согласился Кобылин. – Что тут у нас?

– Давай за мной, – буркнул Борода.

Оттеснив плечом охотника, Гриша свернул в темный узкий коридор, напоминавший о

том, что друзья действительно находятся на корабле, спустился по лесенке на нижний этаж и подождал, пока Кобылин его догонит.

Очутившись внизу, Алексей с интересом оглянулся. Нижний этаж действительно походил на внутренности корабля. Длинный коридор, много дверей, ведущих, судя по всему, в крохотные каюты. На полу – потертая зеленая дорожка, а вдалеке – открытая дверь.

– Давай, – бросил Гриша, – не спи.

Он решительно зашагал по коридору к распахнутой двери, и Алексей двинулся следом, опустив свой сачок так, чтобы не цеплять белые плафоны на потолке.

За распахнутой дверью обнаружилась неожиданно большая каюта. Больше всего она походила на номер в отеле – при входе одежный шкаф, в углу тумбочка с телевизором, дальше, в темноте, огромная кровать. Вот только окна или выхода на балкон тут не было – их заменял большой круглый иллюминатор. Сияющий надраенной медью, он выглядел немного аляповато, декоративно, словно его сюда присобачил модный дизайнер, решивший подчеркнуть морскую тематику. Гриша щелкнул выключателем на стене, и люстра под потолком зажглась мягким желтым светом, выхватив из полутьмы сразу сотню деталей.

Кобылину сразу бросился в глаза беспорядок в комнате – на полу мятая одежда, стаканы, мятые пакеты, журналы... У стены перевернутый стул, у шкафа – груда вешалок. На кровати – ворох одеял, собранных в кучу. А у стены, на простынях, что-то большое, продолговатое...

– Это что? – потрясенно спросил Кобылин, подходя ближе.

Гриша, с мрачным видом стоявший у кровати и рассматривающий тело, махнул рукой – мол, смотри сам.

Посмотреть было на что. В принципе, это было тело мертвой женщины. Длинные черные волосы прикрывали ее обнаженное до пояса тело, но не в силах были скрыть, что покойная обладала весьма привлекательной, по мужским меркам, фигурой. Но вот ниже пояса... все ниже пояса было покрыто крупной иссиня-черной чешуей. Ноги были сдвинуты так плотно, что напоминали скорее хвост, заканчивающийся широким плавником.

– Русалка? – потрясенно спросил Кобылин у молчавшего Гриши. – Тут?

– А то сам не видишь, – огрызнулся тот. – Встречался с ними?

– Нет. – Ошеломленный охотник покачал головой. – Только читал. Ерунду всякую. Но вот так, живых, видеть не доводилось. И мертвых. Даже не знал, что они здесь, в городе встречаются.

– Ну, оказалось, что встречаются, – вздохнул Борода. – Вот, поступил сигнал от клиринговой компании. Двух уборщиц уже увезли в больничку, отпаивают успокоительным.

– Что тут произошло? – спросил Кобылин, аккуратно прислоняя свой сачок к двери и наклоняясь над трупом.

– Пес его знает, – буркнул Борода. – Это и надо узнать.

– А персонал что? – спросил охотник, осторожно откидывая длинные черные волосы в сторону и рассматривая мертвое тело.

– Персонала нет, – отозвался Гриша. – Только охранник, что следил за уборщицами. Он ни сном ни духом. Персонал, судя по всему, прямо с утра дернул в разные стороны и забился по щелям. Сплошные нелегалы, надо полагать. Да и само местечко... того. Сейчас ищут владельца, но концов пока не нашли.

– Ее били, – сухо сообщил Кобылин, открывая белое как мел женское лицо с навсегда застывшими стеклянными глазами. – Бока, плечи, руки. Хорошо так били.

– Вижу, – буркнул Борода. – Забили до смерти?

– Нет, – отозвался Кобылин, прикрывая простыней мертвое лицо. – Шея сломана. Ее душили – сильные мужские руки. Потом свернули шею, сломали позвонки. Вот и все.

– Думаешь, охотники? – тихо спросил Борода.

– Не знаю, – мрачно отозвался Кобылин. – Проще было пристрелить. А тут... тут похоже на пытки. Я не знаю таких охотников. А ты?

– Я-то знаю, – мрачно отозвался Гриша. – Но никто не бегал за русалками в последнее время. И я не слышал, чтобы кто-то на них охотился. По крайней мере, в наших краях.

– А чем они опасны? – спросил Кобылин. – Я слышал, что могут заманить неосторожного гуляку да притопить в озере. Но это же не упыри, которые специально охотятся на людей?

– Не знаю, чем они опасны, – отозвался Борода. – Я тоже не сталкивался с ними, все только с чужих слов и записей.

– Понятно. – Кобылин выпрямился, оглядел комнату, подобрал свой сачок, чувствуя себя полным идиотом. – Хорошо. Мертвая русалка. Дальше что?

– Дальше? – Гриша обернулся к другу. – Дальше тебе нужно выяснить, кто ее убил и зачем.

– Мне? – искренне удивился Кобылин. – Зачем?

– Потому что такое задание, – спокойно отозвался Борода. – У нас тут происшествие. Мы занимаемся именно делами, связанными с нечистью. Надо разобраться, кто, почему, зачем.

– Ты меня ни с кем не спутал? – недоверчиво спросил Кобылин. – Я вроде как специалист в другой области. Я не сыщик, не частный детектив. Я убийца. Киллер.

– Киллер! – Борода скривился. – Не этот ли самый киллер ныл весь прошлый год, что он устал быть машиной смерти, что не хочет чувствовать себя инструментом и готов в любой момент слететь с нарезки?

– Допустим, – не стал отпираться Кобылин. – У меня не самая приятная в мире работа, можно и понять. Но расследовать убийство нечисти? Да я первый кандидат в подозреваемые!

– Вот именно, – подхватил Гриша. – Опыта тебе не занимать. И никого не нужно будет убивать, совсем наоборот. Смекаешь?

– Чтобы поймать преступника, нужно думать как преступник? – Алексей нахмурился. – Ну, это ты загнул, отец.

– Тебе самому-то не интересно, за что так девчонку приложили? – спросил Борода.

– Допустим, интересно, – сухо произнес Кобылин, окидывая долгим взглядом тело, прикрытое мягкой простыней.

Конечно, он не мог не заметить – русалке на вид было лет двадцать, не больше. По человеческим меркам – девчонка, но кто знает, как оценивать возраст этого существа? Чем она могла так разозлить кого-то? Утопила родственника убийцы? Друга? Оказалась не там и не в то время?

– Вот тебе и работа, – медленно сказал Борода. – Некоторые круги... обеспокоены этим происшествием. Нужно будет принимать какое-то решение. Если это месть или охотники – это одно дело. Если это одно существо убило другое существо... Это совсем другое дело.

– Официальная работа? – недоверчиво переспросил Кобылин. – Это?

– Надо отрабатывать финансирование, Леша, – медленно произнес Борода. – И скажи

спасибо, что так, а не со снайперской винтовкой на крыше. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – мрачно отозвался Кобылин. – Вот, значит, какая ты – работа по заказу.

– Давай, – мягко произнес Борода. – Соберись. Просто узнай, кто убил девчонку и за что. Не ментам же такое дело сдавать. Только нам, больше некому.

– Да я даже не знаю, с чего начать! – признался Кобылин. – Я же никогда не расследовал ничего!

– Ну, Лех, уж придумай что-нибудь, – отозвался Гриша. – У тебя есть финансы, есть опыт, есть связи. Бери руководство в свои руки и давай сваргань что-нибудь. И побыстрее.

– Чепуха какая-то, – сердито бросил Кобылин.

– Давай-давай, – подбодрил Гриша. – Бери все в свои руки. И прежде чем жаловаться, посмотри на меня – труп-то надо будет перевезти, утилизировать. Заполнить кучу бумаг, отвести десятки глаз, и сделать так, чтобы никто ничего не заметил. И не выложил в Интернет. А потом еще и получить по шее за медленную работу. Не хочешь махнуться?

– Не хочу, – быстро отозвался Кобылин. – Что еще по делу есть? Что это вообще за место?

– Плавающий ресторан, – отозвался Борода. – Много бухла, карточные игры, шумно. Немного местной шпаны. Ничего серьезного, кабак как кабак. Но тут, внизу, в каютах, вроде как есть намек на бордельчик. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – сказал Кобылин. – Но об этом знают только местные менты, а на них у нас выхода нет.

– У тебя – нет, – уточнил Борода. – Я же сказал, если что узнаю, то сразу позвоню.

– Идет, – согласился Кобылин и решительно двинулся к двери.

– Ты куда? – изумился Борода.

– Переоденусь и за работу, – отозвался Кобылин. – Соберу информацию по русалкам, по этому месту, потом обзвоню информаторов, дам поручения команде.

– Ишь, информаторов, – буркнул Борода. – Вижу,ходишь во вкус.

– Когда тело заберешь? – спросил Кобылин, не обращая внимания на подначку.

– Минут через десять должна подъехать машина, – ответил Гриша. – После этого ты тела уже не увидишь. Что-то нужно?

– Нет, – Кобылин помотал головой. – Но если его еще кто-то будет осматривать, пусть посмотрят повреждения подробней. Ну, там, врач, а не охотник, понимаешь?

– Сделаем, – со вздохом произнес Борода. – Ох, намаяюсь я с этим делом. Чувствую заранее.

– А уж я-то, – буркнул Кобылин, выходя из каюты. – Давай звони.

Выйдя в коридор, охотник поджал губы, злясь на самого себя, и двинулся в сторону лестницы. Он чувствовал себя полным кретином. Борода прав – натянуть камуфляж было чистым ребячеством. Он хотел немного позлить Гришу, что стал слишком официально относиться к охоте. Но вместо этого показал себя идиотом. Борода прав. Пора заканчивать с этими глупостями и браться за дело. По-настоящему.

* * *

С наступлением ночи от воды потянуло холодом и сыростью, но это Кобылина не испугало. На этот раз он экипировался как следует – удобная серая куртка, просторные

джинсы, мягкие кроссовки. Обычный набор для ночной работы, в который можно было спрятать целый арсенал. На самом деле Алексей не думал, что сегодня ночью у него будет много работы, но осторожность никогда не помешает, особенно когда проводишь ночь на месте преступления, в темноте, на барже, в полном одиночестве.

Алексей мало что смыслил в расследованиях, поэтому решил не изобретать велосипед, а придерживаться проверенной тактики. Он, как настоящий охотник, сел в засаду и просто ждал, когда кто-нибудь – или что-нибудь – попадет в его сети.

Конечно, действовал он не наугад. Первое, что сделал Кобылин, когда вернулся домой, – это сел собирать информацию. Его интересовали две вещи – русалки и дебаркадер у набережной. Он пролистал свои заметки, прошерстил известные сайты, пробил по нескольким поисковикам адреса и имена. Итог был неутешительным. О русалках писали очень много, но все больше чепуху. Отделить ценную информацию от легенд было очень нелегко – в этом вопросе Алексей не мог руководствоваться личным опытом. А справочники и заметки предыдущих поколений охотников, заботливо собранные в ноутбук, не слишком помогали. Единственное, что удалось точно установить, – обычно русалки не были агрессивными, в отличие, кстати, от германских ундины или морских сирен. Живность отечественного производства, судя по легендам, была в основном ленива, малоактивна, но зато любвеобильна. Было ли это так на самом деле, Кобылин не мог сказать, зато точно знал – никто из тех охотников, с кем он общался, никогда не охотился на русалок.

Со вторым вопросом тоже не слишком повезло. О пресловутом дебаркадере писали, наоборот, мало, но тоже не по делу. Кабак, бордель, игровой дом, прибежище шпаны, два раза закрывался, один раз горел. Хотели снести, да так и не сподобились. Обычная история средненького кабака. О владельцах – ни слова в сети. И никаких упоминаний о странных или хотя бы подозрительных событиях. Гриша тоже не слишком помог – Кобылин перезванивал ему два раза, но Борода так толком ничего и не узнал. Владельцы кабака пока скрывались, персонал весь разбежался, от свидетелей, нашедших тело, толку не было. Уборщицы вообще были из наемной компании и не имели отношения к дебаркадеру, а охранник, приглядывавший за ними, знал только своего начальника, которого тоже не могли никак найти.

Впору было закручиниться, но одна ниточка у Кобылина осталась в запасе – вещи, разбросанные по полу комнаты. Гриша не обратил на них особого внимания, а вот охотник, которому приходилось часто ставить свою жизнь на один взгляд, разглядел нечто важное. А именно – вещи принадлежали двум разным женщинам. Две объемистые женские сумки, больше похожие на рюкзаки. Платья разных цветов. Большие полупрозрачные покрывала, которыми так любят обматываться стеснительные купальщицы, – две штуки. Две. И, кстати, ни одной пары обуви.

Проходя по коридору, Кобылин успел бросить взгляд в пару приоткрытых дверей и не мог не заметить разбросанные по кровати вещи. И сейчас он надеялся только на то, что за вещами, собственно, должны были прийти. Хоть кто-нибудь. И он был готов зуб дать, что придут – ночью. На это Кобылин и сделал ставку.

Он явился на дебаркадер к самому закату, уже вооруженный, экипированный и успевший сделать пару важных звонков. Как и ожидалось, на странном судне никого не было – двери были опечатаны, но и только. Никаких тебе цветных лент, дежурных полицейских, специальных следователей и прочей живности. Судя по всему, слух о произошедшем успел доползти до всех заинтересованных лиц, и все они решили держаться подальше от

злосчастной баржи.

Без лишней суеты Кобылин забрался на дебаркадер, просочился в одно из окон и бесшумно обошел весь корабль, на этот раз внимательно посматривая по сторонам. Как и ожидалось, никого он там не нашел, но зато утвердился в мысли, что этот плавучий домик зарабатывал деньги вовсе не продажей вечерних коктейлей.

Убедившись в логичности своих выводов, Кобылин засел в большом зале, напротив главного входа, в самом темном углу, за столиком, и принялся ждать, размышляя о жизни своей трудовой. Слова Гриши неожиданно больно его задели и продолжали царапать его изнутри весь день. Ребячество... Неужели он действительно так и не вырос, так и остался в душе ребенком? Просто пистолеты стали настоящими, а враги вполне реальными. И эта русалка... Нечисть? Нет. Некрасивое слово. Эта бедная девчонка с хвостом вместо ног никак не тянула на нечисть или нежить. Как там Гриша говорил – другое общество. Другие. Существа? Чем она отличается от Веры вервольфа или, если уж на то пошло, от обычной студентки? Упырь ясно, чем отличается. Ест людей – получает пулю, не ест людей, не получает пулю. Но русалка... А кто еще?

Перебирая свои воспоминания, Кобылин скоротал время до полуночи. Никаких неприятностей не было. Разве что ближе к одиннадцати на дебаркадер забрался незванный гость – взъерошенный парень в куртке с нашивкой «ОХРАНА». Кобылин сразу его засек, но мешать не стал. Всхлипывая и постанывая, страдалец прокрался в комнату с компьютером, куда сходились кабели от камер наружного наблюдения. Там паренек вытащил из стола какой-то сверток, вытащил из-за шкафа барсетку, прихватил со стола кружку и очень быстро сделал ноги. Так что даже подгонять не пришлось.

Отметив, что гость покинул судно не через дверь, а через незапертое окно, Кобылин задумчиво почесал кончик носа и, заперев окно на щеколду, отправился в обход. Он обошел корабль еще раз, прошелся по коридорам, прислушиваясь к каждому шороху и плеску, постоял у бортов, пляясь в черные воды. А потом вернулся к месту преступления – к каюте, в которой убили русалку.

Не особо церемонясь, Кобылин высадил две соседние двери, так, словно в них врывался спецназ. А потом очень осторожно открыл дверь каюты напротив «русалочьей» и засел в ней. У самого входа, у приоткрытой двери, так, чтобы видеть через щелку коридор.

Затаив дыхание он принялся ждать и всего через полчаса был вознагражден за терпение – едва минула полночь, как в коридоре едва слышно скрипнула лестница. Алексей подобрался, достал пистолет, но досылать патрон не стал. Просто затаил дыхание, прислушиваясь к шумам.

Но услышал он вовсе не то, что ожидал. Никаких хлопков, шорохов или шагов, вовсе нет. Услышал он едва различимый стук когтей по деревянной ступеньке и едва заметный шорох ковровой дорожки. Там, за стеной, по коридору мягко ступало что-то небольшое, теплое и когтистое.

Озадаченный, Кобылин поднялся на ноги, опустил пистолет и сделал шаг назад, в глубину комнаты, бесшумно растворившись в темноте. Загадочное существо тем временем остановилось у приоткрытой двери, и охотник услышал звук, который невозможно было ни с чем спутать, – кто-то втянул носом воздух. За долю секунды Кобылин успел испугаться, разозлиться, прийти в бешенство и овладеть собой. Он даже успел опустить пистолет, прежде чем дверь медленно распахнулась.

В проеме двери показался силуэт огромной собаки, размером с московскую

сторожевую. Свет, бивший из коридора, не давал рассмотреть подробности, но Кобылин и так знал, что шерсть у этой собачки рыжая, а между ушей завивается колечками.

– Ну и зачем? – спросил Кобылин, шагая вперед.

Собака взвизгнула, метнулась обратно в коридор, с глухим стуком ударилась о противоположную стену. Тут же в проеме двери с рычанием вырос широкоплечий силуэт если не культуриста, то уж точно атлета, готового грудью закрыть четвероногую подругу от неведомой опасности.

– Назад! – рявкнул взбешенный Кобылин, продолжая наступать. – Пинкертоны! Шерлоки Холмсы! Вы что творите, ироды!

Вадим, моргая, отступил на шаг, попятился и в итоге вжался лопатками в стену коридора. Он еще не успел оборотиться, хотя тело уже было готово к трансформации, и сейчас он выглядел просто мускулистым атлетом. Пятившимся от щупловатого – по сравнению с ним – человека с горящими глазами.

– Вы тут зачем? – прорычал Кобылин, надвигаясь на своего приятеля, вжимавшегося в стену.

– Ну, ты же сказал, что надо поразнюхать... – пробормотал бывший проводник, ставший оборотнем, но так и не прижившийся в новой семье. – Ты это...

– Но почему здесь? – возопил Кобылин, запрокидывая голову, чтобы заглянуть в глаза Вадиму. – Я разве просил сюда лезть?

– Ну, мы подумали, тут могут остаться следы, запахи, – пробормотал Вадим, невольно отводя глаза. – Вот мы и того. Зашли...

– Зашли! – рявкнул Кобылин. – Зато теперь больше никто сюда не зайдет! А если бы я пальнул навскидку, только услышав вас?

– Хватит орать, всю рыбу распугаете, – раздался женский голосок, и Кобылин резко обернулся.

Вера успела обратиться и теперь выглядывала из двери соседнего номера. Все такая же хрупкая, с копной рыжих волос на голове, завивавшихся кудряшками, она в человеческом обличье по-прежнему напоминала студентку младших курсов. Выглянув из-за двери, она махнула худой рукой, продемонстрировав охотнику кусочек обнаженного плеча.

– Не нагнетай, Кобылин, – бросила она. – И вообще, волчара, отдай сумку!

Вадим послушно скинул с плеча рюкзак и протянул подруге. Та, все еще обнаженная после превращения, чуть высунулась из двери, выхватила сумку и скрылась в номере. Кобылин, успевший заметить еще кое-что, кроме точеного плечика, виновато отвел глаза.

– Нет, ну, правда, – сердитым шепотом сказал он Вадиму. – Я тут сижу, жду, а вы ломитесь как слоны.

– А я говорил, – протянул проводник, стрельнув глазами в сторону приоткрытой двери. – Но ей же только дай повод...

– Я все слышу, – с угрозой раздалось из-за двери. – Допросишься, хвостатый.

Вадим закатил глаза и тяжело вздохнул. Кобылин, успокаиваясь, хмыкнул и убрал наконец пистолет в кобуру.

– Кобылин, – сказала Вера, появляясь наконец из дверей, – почему ты ничем не пахнешь, а? Вот только на этот раз не надо все валить на мой насморк.

Всего за пару минут оборотница успела натянуть на себя джинсы и водолазку, и даже легкие туфельки. Правда, больше на ней ничего не было, что выгодно подчеркивало ее фигурку и смущало Кобылина.

– Он пахнет, – обреченно протянул Вадим, продолжая давний спор. – Но не им самим...

– Да, да, – с раздражением отозвалась Вера. – Сейчас он пахнет этим местом. Рыбой, тиной, прогорклым маслом, дешевыми духами – всей этой дрянью, что пропитала эту баржу. Теперь, если будет нужно, я этот комок запахов отслежу. Но как ты так умудряешься, а? Словно губка впитываешь все окружающие запахи.

– Дезодорантом пользуюсь, – раздраженно буркнул Кобылин. – И репеллентом от наглых вервольфов. Все, хорош, не заговаривайте мне зубы! Что вы тут забыли?

– Мы помочь пришли вообще-то, – отозвался Вадим. – Ты же звонил днем, сам сказал, нужно все узнать об этом месте.

– Узнали? – с сарказмом поинтересовался Кобылин.

– Между прочим, да, – с вызовом произнесла Вера, повесив сумку обратно на плечо партнера. – Кучу всего узнали. Но решили узнать больше и пришли сюда. Разнюхать.

– Хоть бы предупредили. – Алексей махнул рукой и прислонился к стене. – Ладно, рассказывайте.

Бросив сердитый взгляд на подругу, бывший проводник откашлялся и принялся быстро перечислять все факты, которые им с Верой удалось узнать. Вопреки заявлениям сладкой парочки, узнать им удалось не так уж много. Все это Кобылин разнюхал и сам – и про притон, и про публичный дом, и про бедовое местечко. Интересными были только пара слухов, пришедших из самых недр тусовки оборотней.

По словам Веры, этот дебаркадер когда-то был известен как место сбора нечисти. Здесь встречались за стаканчиком виски и оборотни, и вампиры, заглядывали и подозрительные личности, имевшие отношение к темным силам. Пару раз видели даже нелюдимых крысюков. Но в последние два года дебаркадер захирел, тусовка разбежалась. Главным было то, что неуловимое руководство, о котором Гриша за весь день так ничего и не выяснил, было явно из потусторонников. Или, как решил выразиться Кобылин, из другого общества. И в самом деле, после всего, что с ним случилось, он уже не мог обзывать всех этих существ «нечистью». Нет, в эту категорию попадали десятки существ, которые скреблись на чердаках да рылись в подвалах, но многие – вот вроде Веры да несчастной русалки – ну никак не тянули на «нечисть».

– Достаточно, – буркнул Кобылин, когда разговор ушел в область фантазий. – Я все понял. Эта точка контролируется теми, кто знает минимум о темной стороне города. Но кто они, вам неизвестно.

– Да, но это, вообще-то, было нелегко узнать, – насупилась Вера.

– Легко, – возразил Кобылин. – Достаточно было взглянуть на русалку. Вряд ли она очутилась в этой комнате без ведома хозяев.

Без всякой паузы Кобылин плавно повернулся, выдернул пистолет из-за отворота куртки и наставил его в дальний конец коридора.

Вадим замер на вдохе, боясь пошевелиться, а Вера так и застыла с поднятой рукой, не успев показать охотнику средний палец. Кобылин двигался так быстро и плавно, словно робот, твердо уверенный в поставленной задаче. В этом движении была такая точность и неотвратимость, что оба оборотня застыли, ожидая выстрела.

Охотник медленно опустил пистолет, повернулся к переставшим дышать друзьям и приложил указательный палец левой руки к губам.

– Тихо, – едва различимо шепнул он. – Вадим, вверх по лестнице. Блокируй выход в зал. Вера – в комнату русалки. Притаись в уголке. Будем надеяться, что у рыб не такой острый

нюх, как у тебя. И ни звука!

Бывший проводник зыркнул в дальний конец коридора, мотнул увеличенной головой, но потом легко и бесшумно скользнул в сторону лестницы и пропал в полутьме люка. Вера, сделав страшные глаза, погрозила охотнику пальцем, давая понять, что разговор еще не закончен, и отступила назад, скрывшись в комнате покойной русалки.

Охотник проводил взглядом оборотницу, поднял голову, прислушиваясь к темноте коридора, а потом бесшумно вернулся в комнату, из которой только что выскочил как черт из табакерки. Притворив за собой дверь, Кобылин замер, слился с темнотой, затаил дыхание и прислушался.

Долго ждать не пришлось. Через пару секунд из коридора донесся странный звук – словно по полу тащили мокрый мешок. Через минуту хлопья и шлепки стали так отчетливы, что Алексей невольно представил себе морского льва, неуклюже ковыляющего к своей тумбе на цирковой арене.

Медленно вдохнув, охотник замер, стараясь раствориться в окружающей темноте, и обратился в слух. Странные звуки прекратились. Потом скрипнула дверь, раздался шорох, словно кто-то шарил по стене в поисках выключателя, при этом бубня себе под нос. Алексей приоткрыл дверь, выскользнул в коридор и бесшумно подошел к распахнутой двери, ведущей в комнату русалки.

Открывшаяся ему картина заставила охотника замереть на месте. Дверь была открыта, и из нее в коридор высовывался длинный чешуйчатый хвост. Он немного напоминал дельфиний, но при этом был покрыт крупными темными чешуйками, навевавшими мысли о драконах.

Кобылин подался вперед, ступая так осторожно, словно пол был усеян новогодними шариками, и увидел спину русалки. Она была белоснежной – гораздо белее, чем у людей. На ней не было ни синих прожилок вен, ни родимых пятнышек, ни намека на румянец или кровеносные сосуды. Вероятно, она была настолько толстой, что защищала свою хозяйку и от холода воды, и от повреждений.

Русалка мотнула головой, разметала по плечам длинные черные волосы и, уже не скрываясь, визгливо, побабьи, выругалась. Потом захлопала по стене и наконец попала по выключателю. Под потолком комнаты вспыхнула лампочка, русалка со вздохом облегчения уперлась обеими руками в пол, потянула себя вперед и, оставив за собой мокрый след, вползла в комнату. И замерла, увидев в дальнем углу рыжеволосую девушку, вольготно устроившуюся в кресле под иллюминатором.

– Заходи, гостем будешь, – пропела Вера, с нескрываемым любопытством разглядывая человеко-рыбу.

Русалка взвизгнула, неожиданно ловко развернулась, метнулась в коридор и уперлась в ноги Кобылина. Подняв голову, она с изумлением взглянула на охотника, нависавшего над ней, увидела пистолет в руке и, отчаянно визжа, метнулась в глубь комнаты. Прежде чем Алексей успел что-либо сказать, русалка, грохоча мебелью, забилась под кровать и глухо застонала.

Кобылин бросил взгляд назад, через плечо, заметил на лестнице силуэт Вадима и махнул ему рукой – мол, оставайся на посту. Потом вложил пистолет в кобуру под мышкой и медленно вошел в комнату.

Вера успела встать на ноги и теперь, уперев руки в бока, с интересом разглядывала подрагивающую кровать. Охотник смерил оборотницу оценивающим взглядом, потом сделал

приглашающий жест рукой – мол, давай лучше ты. Вера поджала губы, недовольно нахмурилась, но потом шагнула к кровати.

– Эй, подруга, хорош стонать, – сурово сказала оборотница. – Не бойся, никто тебе ничего не сделает. Вылезай, разговор есть.

Из-под кровати раздалось невнятное бормотание.

– Не бойся, – тоном ниже произнесла Вера. – Послушай, мы просто хотим тебя расспросить о твоей... Твоей подруге. Ничего такого, ясно? Просто поговорим...

Русалка под кроватью затаилась. Ее хриплое дыхание было отчетливо слышно, как показалось охотнику, аж на другом конце дебаркадера. Вера обернулась к Алексею и развела руками – мол, я попыталась. А потом, когда охотник двинулся вперед, вскинула ладони, словно пытаясь удержать его от необдуманного поступка. Не успела.

Кобылин подошел к двуспальной кровати, схватил ее снизу за край и рывком перевернул, как простую лавку. Русалка, оказавшись на свету, рванулась в угол, завывала дурным голосом, и терпение охотника лопнуло.

– Молчать, – рявкнул он и наступил на рыбий хвост. – Лежать! Руки за голову! Работает ОМОН!

Забившаяся было в судорогах русалка замерла, потом медленно развернулась всем телом и уставилась снизу вверх на охотника огромными карими глазами.

– Чего? – протянула она.

– Прописка есть? – сурово осведомился Кобылин, выдвигая вперед челюсть и убирая ногу с хвоста. – Регистрация?

– Какая регистрация? – потрясенно спросила русалка, переворачиваясь на спину и прислоняясь к стене так, чтобы было удобнее сидеть на полу. – Ты из ментовки, что ли?

– Департамент ночной охоты, – вдохновенно отчеканил Кобылин. – Проводится расследование смерти неустановленного лица, предположительно русалки. Имя, фамилия, место проживания?

Кобылин понимал, что несет околесицу, но другого способа быстро прекратить истерику не видел. И это помогло – русалка прекратила дрожать, стрельнула глазами в сторону замершей Веры, потом перевела взгляд на Кобылина. И откинула за плечи свой водопад черных волос.

Алексей не мог не отметить, что эта русалочка была гораздо упитанней своей покойной подруги. Все, как говорится, было при ней. Если бы она была человеком, то вполне бы сошла за такую веселую пышечку, что есть в каждой компании. Обычно такие горазды и пошутить, и повеселиться, да и пообжиматься в укромном уголке. Кобылину пришлось приложить некоторые усилия, чтобы отвести взгляд от шикарного бюста русалочки и посмотреть в округлое, покрытое едва заметными веснушками лицо. Лицо как лицо. Девка, мордата да улыбчива, как говаривали во дворе деды. Вот к ней слово «нечисть» точно не клеится.

– Чье имя? – деловито осведомилась русалка, прожигая охотника взглядом. – Мое, что ли?

– Твое, – отрезал Алексей, – ну?

– Машка я, – отозвалась русалка, с осторожностью поглядывая в сторону оборотницы. – Иванова. Потому что сама из Ивановской области.

– Сюда как попала? – спросил охотник, мрачно поглядывая на русалку.

– Известно как, по речкам, – отозвалась та, медленно осматривая Кобылина. – В начале лета дело было. Захотелось, значит, посмотреть, как тут все устроено...

– Подругу как звали?

– Какую подругу? – Машка захлопала глазами, неумело изображая удивление.

Кобылин резко наклонился. Русалка отпрянула, да так, что стукнулась затылком о стену каюты.

– Ты мне дурку не валяй, – прошипел охотник, прожигая русалку взглядом. – А то заночуешь не в речке, а за решеткой. Ясно?

– Это где же? – с опаской осведомилась Машка. – В отделении у тебя, что ли?

– Место есть специальное, для таких, как ты, – отрезал Кобылин, распрямляясь. – Зоопарк. Слыхала, нет?

Белоснежная кожа русалки вряд ли могла побледнеть еще больше. Но все же побледнела, да так, что все веснушки пропали.

– Да ладно тебе, – протянула она. – Ну, Ирккой ее звали, так представлялась, как по-настоящему, не знаю. Мы только тут виделись, раньше не знакомы были.

– Ирка, – протянул Кобылин. – Ладно. Откуда она?

– Понятия не имею. – Машка помотала головой. – Говорю же, тут познакомились.

– Как вы сюда попали? – спросил охотник.

– Известно как. – Русалка насупилась. – Прошел слух, что подзаработать можно. Ну вот, приплыла, тут Ирка уже. Поговорили, ну начали работать...

– Вдвоем?

– Ну водяные мы вдвоем. Другие обычные...

– Как работать?

Машка подняла на Кобылина огромные глаза и вдруг лихо подмигнула.

– Известно как, – кокетливо произнесла она, – что у нас, у рыбок-то, взять, только нас самих.

– Это как? – удивился Кобылин.

– А вот так, – ответила Машка и показала.

Как оказалось, хвост у русалок начинался немного ниже бедер. А чуть выше все было устроено вполне обыкновенным образом. За чешуей сразу было и не разобрать, Алексей и не присматривался. Но теперь ему все было явлено в полной красе.

Потрясенный, Кобылин, стараясь не меняться в лице, поднял взгляд и глянул на явно забавляющуюся Машку.

– Даже знать не хочу, – пробормотал он. – Прикройся.

Русалка, обиженно надув пухлые губы, завернулась в свои черные волосы, словно в покрывало, и снова зыркнула в сторону Верки, брезгливо сморщившей носик.

– Что вчера было? – сухо спросил охотник. – Что тут случилось?

Машка тяжело вздохнула, оглянулась по сторонам, потом с тревогой глянула за плечо охотнику. Кобылин знал, что там, в коридоре, маячит Вадим, и потому даже не обернулся.

– Вчера, – пробормотала Машка. – Плохо тут вчера было.

– Не тяни, – посоветовала Вера. – Давай уже, рыба моя, рассказывай.

– Вчера сначала было как обычно, – задумчиво произнесла русалка. – Собрались мы тут с Ирккой, вроде нарисовался папик. Незнакомый. Пока разговоры разговаривали, заглянул Семен...

– Это кто? – осведомился Кобылин.

– Ну так, – уклончиво отозвалась Машка. – Вроде распорядитель, приглядывает за нами.

– Охранник?

– Неее... – протянула русалка. – Охрана тут так, из городских, чисто для вида. Семен, он в курсе всего, распорядитель в общем. Не ресторана, а наших комнат.

– Дальше, – буркнул охотник.

– Ну вот заглянул Семен, увел папика, велел нам собираться. Мол, на сегодня все, прикрываем лавочку. Мы что-то затрепались, замешкались. Потом слышим – драка. Орут, дерутся в коридоре. Потом дверь распахнулась, заваливают два бугая.

– Кто такие? – насторожился Кобылин. – Местные?

– Нет. – Машка помотала головой. – Похожи на блатных, что бузят в ресторане. Но эти точно знали, кто мы, не удивились. Семена по комнате давай швырять. Орали все, чтоб передал хозяйке, что пора платить. Я бежать, они меня только ногой пнули. А Ирка полезла Семена от них отбивать. Дальше я не видела. Сбежала.

Русалка погрузилась, вскинула белые руки и закрыла ладонями лицо.

– Бугай, – напомнил Кобылин. – Как выглядели.

– Да никак, – глухо отозвалась Машка. – Здоровые, плечистые, лысые. Похожи на бандитов. Похоже, крышу не поделили.

– Люди? – осторожно спросил Кобылин.

– Может, и нет, – вяло отозвалась русалка, хлюпая носом. – Сильные они такие, просто жуть. Семена как котенка швыряли, хотя он покрепче тебя будет. Но раньше я таких не видела. Здоровые, плечистые, лысые и похожи друг на друга, как близнецы.

– Лысые? – переспросил Кобылин. – Стриженные, что ли?

– Нет, именно лысые. – Машка взмахнула рукой. – Ну знаешь, мужики когда лысеть начинают, то голову бреют, но все равно заметно, что лысые.

– Ладно, – сказал Кобылин, присаживаясь на корточки. – А теперь, что за хозяйка? Кому они грозили?

– Ну. – Машка стрельнула глазами за спину Кобылину, в сторону двери, где маячил Вадим. – Здешняя хозяйка, значит. Я ее всего-то пару раз видела, она тут и не бывает почти.

– Как зовут?

– Ее Линдой называют. Ведьма, сразу видать, да еще какая.

– Ведьма? – Кобылин удивился, но виду не подал. – Что еще про нее знаешь?

– Да боле ничего, – огрызнулась осмелевшая Машка. – Мы рыбешки маленькие. Слыхали, что она тут всему хозяйка, а по делам с Семеном мы перетирали.

– У Семена-то как фамилия?

– Да пес его знает, – равнодушно отозвалась побледневшая русалка. – Человек, бандюган. Не местный, приехал откуда-то. Вот и все.

Кобылин с тревогой окинул Машку долгим взглядом. Русалка явно побледнела, осунулась, словно вдруг заболела чем. Может, ей без воды долго нельзя? Или накрыло ее, поняла, во что вляпалась? Выглядит так, словно все ей по барабану, того и гляди, сознание потеряет. Еще один труп?

– Ладно, – сказал Кобылин, поднимаясь на ноги. – Черт с тобой, золотая рыбка, плыви отсюда.

Машка тяжело вздохнула, оперлась на руки, отлепилась от стены, подняла взгляд на Кобылина.

– А с Ирккой-то что? – тихо спросила она. – Сильно мучилась?

– Не сильно, – медленно ответил Кобылин, очень надеясь, что это на самом деле так. – Шею ей свернули.

Русалка отвела взгляд, уставилась в стену, словно только сейчас осознав, что здесь произошло на самом деле.

– Ты зачем вообще сюда приплыла? – спросил Кобылин.

– Ясно зачем, за деньгами, – со вздохом отозвалась Машка, не отводя взгляда от стены.

– Зачем тебе деньги? – поразился охотник.

– Известно зачем, – тихо произнесла русалка. – Красивой жизни хочется. Вещей разных, которых у нас на болоте нет. Телик и то не посмотреть. Сговорилась как-то я с мужичком одним, посидеть в его лодочном сарае, сериал посмотреть. Оплата известно чем. Целую неделю смотрела. Потом бабы местные прознали, знаешь, какую охоту развернули, еле уныряла. Тоскливо там, а тут весело.

– Весело, – медленно повторил Кобылин. – Аж зубы сводит, как весело. Вот что, рыба. Бери ноги, или что там у тебя есть, в руки и мотай отсюда в родное болото. Чтоб духу тут твоего не было через полчаса. Вадим!

– А! – откликнулся оборотень, заглядывая в каюту.

– Уходим. Здесь все.

Развернувшись, Кобылин решительным шагом направился прочь из комнаты.

– А ведьма? – жалобно спросил бывший проводник. – Надо ж узнать, за что ей грозили-то.

– Я знаю, у кого спросить про ведьму, – буркнул Кобылин, выходя в коридор. – Есть один человек такой, специальный.

Сжав зубы, он быстро зашагал по коридору, к лестнице, борясь с желанием завопить от злости. Русалки, надо же. Красивой жизни захотелось! Дальше что? И кто они теперь после этого? Нечисть?

Уже уходя, краем уха он услышал, как Вера бросила русалке:

– Про охотников слыхала, везучая?

Ответа Алексей уже не расслышал. Но когда он поднялся по лестнице и ступил в зал, снизу раздался грохот – такой, словно морской лев на всех парах несся по длинному коридору, стремясь как можно скорее убраться от смертельной опасности.

Поджав губы, Кобылин поправил нож за спиной и вышел в ночь.

* * *

Григорий откинулся на спинку кресла, задумчиво постукивая простым карандашом по блокноту, лежащему на коленях. Подняв большую кучерявую голову, он медленно осмотрел комнату. Обычная гостиная, обросшая за много лет различными удобными мелочами. Правда, с тех пор, как ему пришлось отправить жену обратно в Петербург, а потом и дальше, в Черногорию, обычная квартира в многоэтажке превратилась в большой склад мелочей.

Книжные шкафы с растрепанными фолиантами – вдоль стен. Длинный кожаный диван, на котором можно было поваляться после обеда, – у входа. У окна – широкий письменный стол, простой, чистый, содержится в идеальном порядке. В уголке, между столом и шкафами – большое кожаное кресло с широкими подлокотниками и огромной спинкой, пухлое на вид. Рядом журнальный столик, на котором светит экраном ноутбук последней модели. Все на своих местах. И вместе с этим – что-то не так.

Недовольно засопев, Григорий раскрыл блокнот и принялся быстро черкать

карандашом, рисуя замысловатую схему. Не нравилось ему происходящее, ой не нравилось. Сколько он их уже видел за эти годы – проверяющих. Кураторы Ордена, прибывавшие из Петербурга для инспекции результатов работы некоего Бороды. И гордые, с апломбом, представители знати, смотрящие на тебя как на кучку мусора, и простые работяги, больше интересующиеся банями и ресторанами, чем отчетами. И въедливые молодые специалисты, досконально изучавшие все отчеты. Заезжали, бывало, и специалисты по особым поручениям. Но они обычно не представлялись координатору. Лишь извещали о своем визите, чтобы случайно не перейти дорогу какому-нибудь охотнику.

Охотники. Григорий гордился своей работой. По поручению Ордена он заботливо пестовал юную поросль, направляя их энергию и силу в нужное русло. Да, порой это походило на попытку удержать в руках пылающий уголь. Но польза была несомненна. Основная масса психованных и агрессивных людей с оружием в руках находилась под контролем организации. Одиночки и отряды вычищали город, убирая мусор, мешающий гармоничному существованию различных рас и кланов. Пустить все на самотек, отменить правила – и в городе начнется хаос. И так-то контроля не хватает. То здесь, то там появляются одиночки, способные наворотить таких дел...

Борода нахмурился, перелистнул пару страниц, изучил старую схему. Перевернул карандаш и очень аккуратно, резиночкой, стер одну из пометок. Все держится на тонких струнах, на личных контактах и взаимных обещаниях, скрытых в тонкой паутине лжи и дезинформации. Только так работает команда людей, каждый день сталкивающихся с изнанкой мира. Раскачай ее посильнее – и все рассыплется, погружая город в хаос. Нет ничего опаснее испуганного до усрачки человека, вооруженного огнестрельным оружием и абсолютной уверенностью в собственном праве уничтожать все, что кажется ему «неправильным».

Хмыкнув, Григорий отложил блокнот и смерил долгим взглядом ноутбук. Да, придется переносить данные в электронный вид, в наши дни по-другому нельзя. Опять же, лишний раз все прочитать, взвесить...

А Павел Петрович-то шустрик. Что он затевает? Он именно что раскачивает стройную конструкцию из охотников и проверяющих. Указания Ордена недвусмысленны – подчиняться куратору во всем. Пока у него была только пара просьб, весьма простых, но все они касались Кобылина. Кобылин!

Культовый проект, жемчужина в Гришиной коллекции охотников. Он в шаге от превращения в аватара. Идеальный носитель потустороннего сознания, способный превратиться из пешки в ферзя на этой игровой доске. Все признаки налицо – самостоятельно бывший алкоголик не может за пару лет превратиться в смертельное живое оружие. Определенно им кто-то управляет. Но с другой стороны, нет признаков одержания. Кобылин сохраняет свое сознание, свой упрямый нрав и сам принимает решения. Это очевидно. Нет никаких неожиданностей, его поведение остается в рамках его жизненной логики. Сколько времени пройдет, прежде чем что-то изменится? Кем он станет?

Григорий устало потер подбородок. Его лучшее дело. Аватары редки. Последний появлялся в этих краях лет сто назад. Тогда в человеческое тело проникла одна из сущностей с другой стороны. Человек стал полностью недееспособен, но при этом выдавал такую информацию, которая перевернула все существующие представления о законах вселенной. Это был шок, приведший к волне открытий и технического прогресса.

Но в этот раз вряд ли так будет, судя по характеру Кобылина. Скорее, мы получим

великого война, как это бывало в древности. И нужно направлять события так, чтобы сделать из этого тела желанную приманку для того, кто будет бороться с тьмой. А иначе... Иначе можно получить с той стороны покойного безумного политика, одержимого жаждой власти и имеющего все инструменты для воплощения в жизнь своих фантазий. Такое тоже бывало.

Покачав головой, Гриша снова взялся за карандаш Кобылин. Бедный сломленный человек, застывший в фазе подростка. Он так и не повзрослел. Да, симпатичный парень, если не брать в расчет пристрастие к дурацким шуткам. Кобылин нравился Грише. В другое время он взял бы его к себе студентом, научил бы разбираться в книгах и читать между строк учебников. Но аватары так редки.

Хмыкнув, Борода резко встал из кресла, прошелся в коридор, вернулся обратно. Ему нравился Кобылин. Но шанс получить аватара – один на миллион, и его нельзя упускать. Станет ли это смертью для самого Кобылина? Или его временным помешательством? Предсказать нельзя. Все так сложно. А тут еще этот блондинистый шустряк.

Вытащив из кармана телефон, Борода еще раз прочитал сообщение от Алексея. Информация ему нужна, как же. Вот зачем он сам послал Кобылина заниматься этим дурацким делом? Тогда показалось, что это хорошая идея – поиграть в детектива посреди города. И охотник при деле, и всегда на виду. Но теперь Борода думал, что лучше бы он услал Кобылина охотиться на лесную нечисть в каком-нибудь глухом районном городке, подальше от центра событий.

Остается одно – тихонько раскрутить это дело с дебаркадером, закрыть его и постараться отослать Кобылина подальше. И еще. Надо бы все-таки показать Алексея куратору. Пусть он и озабочен своими делами, но пусть проникнется важностью событий. В конце концов, Орден дал полный карт-бланш на работу с потенциальным аватаром. Надо ткнуть в это носом Павла Петровича. Поставить перед фактом. Чтобы он знал, Кобылин – отдельный самостоятельный проект, а не просто один из инструментов, которым можно распоряжаться как заблагорассудится. Вот так. Макнем академика.

Борода медленно опустился в кресло, взял телефон обеими руками и начал набивать ответ на сообщение.

* * *

Они встретились поздно вечером, когда августовское солнце скрылось за горизонтом и ему на смену пришли яркие огни ночного города, раскрасившие людные улицы разноцветными отблесками неоновых реклам. На улице было свежо, и Кобылин, одетый только в свой новый костюм, зябко поежился. Борода неодобрительно на него покосился и поманил за собой.

Они прошли по улице несколько десятков метров, уворачиваясь от людского потока, скользящего по каменным джунглям, и свернули в небольшой переулок. Он был на удивление безлюден, и Алексей тут же завертел головой, изучая обстановку.

Высокие дома, но старые, что-то из прошлого века, с лепниной на стенах и железными балкончиками из витых прутьев. Огромные подъезды с наглухо закрытыми массивными дверьми, стены облицованы полированными гранитными плитами. Из мостовой торчат фонари, опять же напоминающие о тех временах, когда они были еще газовыми. В принципе, переулок как переулок – таких полно в центре старого города. Но этот на самом деле

отличался от остальных.

Метров через двести от поворота дорогу преграждал высокий железный забор. В нем виднелись ворота для машин и непременный шлагбаум. Рядом с ним виднелась калитка с домофоном. Это Кобылину не понравилось – не любил он тупики любых формаций, – но делать было нечего. Он обещал Грише, что сегодня будет тише воды ниже травы, лишь бы только попасть в загадочное место сбора так называемого другого общества.

У забора Григорий остановился, подождал отставшего друга, окинул его придиричивым взглядом.

– Ладно, – сказал он наконец. – Давай повторим. Что ты там обещал?

– Никакого оружия, никакой агрессии, – отчеканил Кобылин. – Полная нейтральность, в любом случае, что бы ни случилось. Кроме случаев прямой угрозы для жизни.

Гриша угрожающе выставил вперед подбородок, и его аккуратно подстриженная борода зашевелилась. Вытянув руки, Гриша быстро похлопал по пиджаку напарника, проверяя, нет ли оружия.

– Обижает, – сухо сказал Кобылин. – Только платки и зубочистки.

– Зубочистки? – насторожился Борода. – Это в каком смысле?

– В прямом, – отрезал охотник. – Две маленькие зубочистки в правом боковом кармане.

– А, – Борода облегченно вздохнул. – Лещ, еще раз, пожалуйста, не иди на конфликт. Дело серьезное, держи свои инстинкты в узде. Пообещай мне, ну вот просто пообещай, ладно?

– Обещаю, – совершенно спокойно соврал Кобылин. – Буду паинькой.

Борода задумчиво пожевал губами, тяжело вздохнул.

– Врешь ведь, ирод, – сказал он наконец. – Давай еще раз. Там, внутри, небольшой праздник. Вручают маленькие медальки и премии работникам культуры. Тусовочный междусобойчик, не интересный никому, кроме десятка участников действия. Но там будут присутствовать некоторые нужные нам лица. Мне нужно встретиться с одним человеком, чтобы обсудить поставки некоторого оборудования. Он в курсе, что происходит в городе. Я приглашен, я иду туда по делу. По какому – тебе неинтересно. Тебе интересно то, что там будет присутствовать некая особа, которую называют ведьмой Линдой. Пока я буду заниматься делами, у тебя есть шанс побродить по залам, поесть бутербродов с икрой и поискать эту Линду. А когда ты ее найдешь – в чем я ни секунды не сомневаюсь, – у тебя будет шанс завести с ней беседу и задать пару вопросов. Смекаешь?

– Тысячу раз уже повтори, – с раздражением бросил Кобылин. – Сколько можно, а?

– Сколько нужно, – резко ответил Борода. – Ты не можешь там надоедать местным. Поверь, будешь налететь, мы оттуда оба не выйдем. И это будет еще не самым плохим вариантом развития событий.

– Да ну? – буркнул Кобылин. – Какой же тогда самый плохой?

– Да такой, что начнутся взаимные претензии между людской частью города и той, другой, частью.

– Война начнется, что ли? – осторожно спросил Кобылин.

– Локальный вооруженный конфликт, – тихо произнес Борода. – И не из-за нас, как таковых, а из-за наших глупых действий. Возможны жертвы с обеих сторон, нарушение договоров, нарушение хрупкого равновесия...

– Ладно, босс, – сказал Кобылин. – Не буду я никого трогать, если меня никто не тронет.

– Даже если тронут, – с нажимом произнес Борода. – Держись до последнего, идет?

– Нет, – мягко сказал Кобылин. – Гриша, я понимаю, что ты хочешь. Но некоторые вещи вбиты у меня в подкорку, на уровне инстинктов выживания. Если кто-то схватит меня за горло, я тут же откручу этому уроду голову, кем бы он ни оказался. Не размышляя, не раздумывая. Понимаешь? Могу только обещать, что не сделаю этого, если кто-то меня случайно толкнет или наступит на ногу. И ничего более я тебе не пообещаю, потому что ты не хочешь мне рассказать, что там будет внутри.

– Уже прогресс, – буркнул Борода. – Я не могу тебе рассказать, потому что не знаю, кто будет внутри. Это мирный фуршет. Место, где разговаривают разговоры, понимаешь? Там точно будут различные существа. Вампир.оборотни. Может, кто-то еще. Ведьма – это сто процентов. Мы просто зайдём, поговорим и выйдём. Я тебя предупреждаю – если она не захочет отвечать на твои вопросы, не устраивай истерик. Не надо угрожать, дожимать, прижимать, выбивать признание. Вот об этом я говорю. Даже если услышишь в ответ слово «нет», вежливо поблагодаришь и отойдешь в сторонку.

– Если мы сейчас не прекратим болтать и не тронемся с места, – с угрозой произнес Кобылин, – я действительно отойду в сторонку. И вернусь сюда через часик. Сам.

Борода закатил глаза к небесам и медленно выдохнул, набираясь ангельского терпения.

– Хорошо, – наконец сказал он. – К чертям. Бросили в воду – плыви.

Одернув свой черный пиджак, Гриша сделал пару шагов к забору, буркнул что-то в переговорное устройство. Калитка тут же приоткрылась, и Кобылин, повинувшись решительному жесту друга, последовал за ним.

За забором оказалось продолжение странного переулка. Но здесь было гораздо темнее, а у подъездов стояли машины. Вдалеке виднелось нечто вроде внутреннего дворика, но подробностей Алексей не рассмотрел – Борода решительно свернул к ближайшему крыльцу и быстро взбежал по гранитным ступеням к огромным деревянным дверям. Массивные, украшенные резьбой, они выглядели так, словно могли выдержать долгую осаду. Но при этом легко распахнулись, едва только Борода потянул на себя полированную медную ручку.

За огромными створками скрывался небольшой и хорошо освещенный зал, от самого выхода вверх уходила белая каменная лестница. Около нее стояли двое крепких молодцов в черных костюмах, и Кобылин насторожился. Напрасно – это были самые обыкновенные охранники, люди. Один из них быстро проверил гостей ручным металлодетектором, второй окинул внимательным взглядом, задержался на Кобылине, но потом отступил в сторону.

Борода сдержанно кивнул охране и стал быстро подниматься по ступеням, всем своим видом показывая, что имеет право здесь находиться. Кобылин молча шел следом, отставая на шаг, примеряя на себя роль телохранителя важной персоны.

Наверху Борода быстро свернул в распахнутую дверь, и друзья очутились в самом начале анфилады небольших комнат. Эта планировка напомнила Алексею о картинной галерее, где можно свободно переходить из комнаты в комнату, чтобы насладиться работами художников. Судя по всему, здесь кто-то попытался устроить маленький частный музей – на стенах действительно висели картины, но среди них встречались и причудливые маски, и статуэтки на подставках, и даже старые доспехи.

Борода осторожно двинулся вперед, очень медленно прошел мимо первой комнаты. Кобылин, шедший следом, заглянул другу через плечо. Комната оказалась довольно приличных размеров. У дальней стены, увешанной картинами, разместился длинный стол с различными закусками, вокруг которого толпилось не меньше десятка человек. Все они тихо беседовали, но отсюда, из коридора, Алексей не мог разобрать ни слова.

Григорий тем временем двинулся дальше. Медленно шагая по коридору, по мягкой красной дорожке, он деловито посматривал по сторонам. А вот Кобылин больше прислушивался, пытаясь определить, сколько в этой галерее поместилось людей. И все ли они люди.

Лишь один раз, проходя мимо очередных доспехов, он остановился и окинул взглядом скрещенные топоры. Старые. Настоящие. Вполне приличные. Не в силах удержаться, Кобылин быстро вытащил один из креплений и обернулся к поджидающему его Григорию.

Видя, как расширяются глаза напарника, Алексей широко развел в сторону руки, словно намереваясь обнять Гришу, и провозгласил:

– Я – железный дровосек!

Глаза Бороды стали круглыми, как блюдца. Он медленно поднял руку и ткнул пальцем в сторону опустевших креплений.

– Ну, ты не понял, что ли, – обиделся Кобылин. – Помнишь, как в кино. Там он руки разводит и говорит: «Я железный...»

– Идиот, – прошипел Борода, тараща глаза. – Положи обратно. Быстро. Тут же камеры.

Кобылин тяжело вздохнул, покачал головой и сунул огромный топор обратно на свое место. Порой он начинал сомневаться – есть ли вообще у Григория чувство юмора или Борода только иногда притворяется.

Ускорив шаги, он догнал друга и пошел с ним рядом, плечом к плечу.

– Ничего больше не трогай, – прошипел Гриша. – Веди себя как взрослый человек, умоляю тебя.

– Если я буду себя вести как взрослый, – серьезно отозвался Кобылин, – то вряд ли отсюда вообще кто-то живым уйдет. Не дергайся. Эти шалости меня расслабляют и заставляют забыть о кричащих инстинктах убийцы.

Гриша споткнулся, засеменил по полу, потом резко обернулся – не подслушивает ли кто.

– Соберись, – яростно прошептал он. – Леша, это важно, держи себя в руках, пожалуйста.

Кобылин не ответил – повернув голову, он смотрел в следующую комнату, где было всего пять гостей, с интересом разглядывающих картины на стенах.

– Я ее вижу, – спокойно сообщил Кобылин. – Описание совпадает. Иди по своим делам, Гриш, не мешай работать.

Борода сдавленно хрюкнул, пытаясь удержать в себе заковыристое проклятие, потом ухватил друга за локоть, потянул на себя.

– Только без фанатизма, Леша, – грозно предупредил он, заглядывая Кобылину в глаза. – Только без фанатизма!

Кобылин легко высвободил руку из Гришиного захвата, смахнул невидимую пушинку с лацкана пиджака, вздернул бровь и решительным шагом направился в комнату с картинами.

Ловко обогнув подозрительную престарелую парочку в вечерних нарядах, Алексей медленно подошел к дальней стене, украшенной единственной, зато весьма большой картиной. Мягко ступая по блестящему паркету, Кобылин присматривался к своей цели, пытаясь составить первое впечатление.

Ведьма стояла перед самой картиной, внимательно всматриваясь в переплетение бурых и синих мазков, сдобренных красными пятнами, слишком уж напоминавшими капли крови. Она чуть запрокинула голову, явив охотнику профиль, и Кобылин тут же отбросил все сомнения – точно, она.

Описание, полученное от Гриши, полностью подходило. Среднего роста, хрупкого телосложения. Мелкие черты лица, тонкий нос, острые скулы, мягкий округлый подбородок, большие глаза, волосы – длинные и черные. Вот только длинными их можно было назвать с натяжкой, на самом деле они спускались ровно до плеч. Иссиня-черные, гладкие, аккуратно подрезанные, с ровной челкой, они напоминали скорее шапочку. Кобылин знал, что такое строгое классическое каре частенько называли прической Клеопатры. Кстати, и кожа у ведьмы была чуть смугловатой, словно подчеркивая экзотический образ. Платье тоже было классическим – коктейльное, типа футляр – обтягивающее, но без откровенных вырезов. И, конечно, не пошло черное, а темно-синее, с едва заметным фиолетовым отливом.

Перед последним шагом Кобылин еще раз повторил про себя все, что вытряс из Гриши про современных ведьм. Это люди. Много природной отравы, странных рецептов, полученных от древних существ. Привороты, любовные зелья, сильнейшие яды и противоядия. Эликсиры молодости и силы, а также различные вещества, одурачивающе действующие на различных существ. Химия – сила.

Едва Кобылин сделал последний шаг и остановился рядом с ведьмой, как та стрельнула глазками в его сторону, дав понять, что незваный гость не остался незамеченным.

– Прекрасная картина, – вполголоса произнес Кобылин, переводя взгляд на стену. – Но, кажется, в ней чего-то не хватает.

– Смысла, полагаю, – сдержанно отозвалась ведьма, окинув взглядом сумбурные переплетения разноцветных полос, щедро сдобренных алыми каплями.

Кобылин невольно бросил взгляд на ее строгий профиль – настолько был привлекательным этот чуть хрипловатый, но очень женственный голос. Задержав взгляд на хрупком носике с едва заметной горбинкой, Алексей был вынужден напомнить себе, что здесь он сугубо по деловым причинам.

Ведьма чуть развернула плечи и взглянула темными глазами прямо в лицо незваному гостю, откровенно наслаждаясь производимым эффектом. Выглядела она просто потрясающе – идеальное сочетание хрупкой фигуры, милого личика и строгого взгляда взрослой и опытной женщины, прекрасно знающей обо всех сторонах этой грешной жизни. Кобылин, не дрогнув, встретил этот пылающий взгляд, что должен был уложить его к ногам незнакомки, но при этом был вынужден напомнить себе, что ведьма, скорее всего, старше его. Возможно, лет так на двадцать.

– Разве мы раньше не встречались? – мягко произнесла ведьма, бесцеремонно атакуя незваного гостя.

– Не думаю, – отозвался Кобылин и галантно добавил: – Я бы запомнил такую встречу.

– Полагаю, я тоже, – мягко отозвалась ведьма.

Она вдруг сделала шаг вперед, застав охотника врасплох, и вскинула хрупкую руку, едва не коснувшись гладкой, чисто выбритой щеки Кобылина. От смерти ее спасло лишь то, что Алексей и в самом деле попал под чары этого существа и ощутимо расслабился.

– Такая сила, – прошептала ведьма, заглядывая в глаза охотнику, что был чуть выше собеседницы, – такая печаль. Вы знаете, что смерть следует за вами по пятам?

– Конечно, – искренне отозвался Кобылин и оглянулся по сторонам: – Но сегодня ее что-то не видно.

Губы ведьмы дрогнули, и лишь опытный взгляд охотника уловил странную тень, пробежавшую по лицу собеседницы. Она чуть отступила, снова окинула охотника долгим взглядом, и нестерпимое сияние ее красоты чуть померкло. Ведьма нахмурилась. Видимо,

Кобылин отреагировал на ее слова не так, как ожидалось.

– Кто вы? – спросила ведьма, отступая еще на шаг.

Алексей вдруг ощутил огромное облегчение – словно вынырнул из огромной волны, жадно глотая долгожданный воздух. Вот, значит, как это работает, подумал он, распуская указательным пальцем ворот белоснежной рубашки. Запахи? Духи? Скорее всего. Алексей медленно вздохнул, пытаясь сосредоточиться. Надо взять себя в руки. Нужно просто думать о работе. Это всего лишь охота. Еще одна рядовая, обычная, нудная работенка долгим летним вечером.

– Я жду, – резко выдохнула ведьма, скрещивая руки на груди. – Говори, кто ты такой?

Алексей поднял взгляд, в свою очередь окинул взглядом ведьму – уже как объект охоты. Какое оружие он бы выбрал? Пожалуй, меч. Быстрый удар, сносящий голову с плеч. Или все-таки пуля? Быстрый щелчок, сухой кашель ствола, и между узких черных бровей набухает алым бутоном первая капля...

Видимо, что-то такое отразилось в его блеснувших глазах, потому что ведьма отступила еще на шаг и с заметным беспокойством глянула в сторону выхода из комнаты.

– О, не волнуйтесь, – медленно произнес Кобылин. – Меня зовут Алексей. Я всего лишь хочу поговорить с вами, Линда.

Ведьма отодвинулась еще на полшага, внимательно изучая лицо охотника, остававшееся бесстрастным, лишенным всякого выражения. Ее губы поджались, глаза сузились, лицо заострилось. Она стала выглядеть чуть старше и, как ни странно, еще привлекательней. Кобылин вдруг почувствовал, как изнутри поднимается волна вопящих инстинктов – но вовсе не тех, которых опасался Григорий. Он вдруг отчетливо понял, что минут через пять он просто потеряет голову – окончательно и бесповоротно. И есть огромный шанс, что ведьмовские духи тут совершенно ни при чем.

– К черту, – решительно выдохнул он и скрестил руки на груди. – Ладно. Давайте без предисловий. Я ищу тех, кто убил русалку на вашем дебаркадере. Расскажите мне, кто это был, и я уйду.

Ведьма вызывающе вздернула подбородок и ожгла собеседника таким взглядом, что серый деловой костюм едва не воспламенился.

– На кого ты работаешь? – сухо спросила она. – Ну?

– Это неважно, – мягко отозвался Кобылин. – У меня собственный интерес.

– Семья Индиго? – вслух предположила ведьма. – Кларенс? На сборище лохматых недоумков?

Кобылин растянул уголок губ в легкой улыбке, при этом заботливо сложив в отдельный ящичек памяти новые имена, которые определенно заслуживали своего места на доске со схемой.

– Это ты был вчера ночью на дебаркадере, – вдруг сказала ведьма.

Она не спрашивала, нет, она утверждала. При этом, как заметил Алексей, ее плечи расслабились, а взгляд заметно смягчился. Кажется, она поняла, что ее новый знакомый не имеет отношения к вымогателям, устроившим погром.

– Был, – не стал отпираться Кобылин. – Но почти ничего не узнал.

– Охотник, – протянула ведьма и по-новому, с интересом, уже без наигранности, оглядела гостя. – Вот уж не гадала... Тебе-то это зачем?

– Надо, – лаконично отозвался Кобылин. – Хочу поговорить с теми, кто убил русалку.

– Вот зараза, – процедила ведьма сквозь зубы. – Ты же знаешь, что это не твои дружки.

– Знаю, – тихо произнес Кобылин, парируя яростный взгляд Линды. – Поэтому хочу знать больше.

– Ох, не в свое ты дело лезешь, охотничек, – медленно произнесла ведьма, возвращая свой голос к хрипловатому чарующему тембру. – Не по рангу тебе это дело.

– Попросили. – Кобылин виновато развел руками и улыбнулся, надеясь, что выглядит хотя бы немного уверенным в себе.

– Долги возвращаешь? Ну-ну, – тихо произнесла ведьма. – Интересный ты персонаж, охотник Алексей. Мы точно не встречались раньше?

Кобылин не ответил. Ведьма замолчала, пристально вглядываясь в серо-стальные глаза охотника. Она прикусила нижнюю губу острыми жемчужными зубками, напряженно о чем-то размышляя. Потом вдруг с сожалением покачала головой, дернула плечиком.

– Нет, – наконец сказала она. – Чертовски жаль, но – нет.

– Нет – это значит...

– Это значит – нет, – отрезала Линда. – Ничего я тебе не скажу, охотник. Уходи. И побыстрее, пока еще есть время. Некоторые из присутствующих очень не любят охотников.

– Никто меня не любит, никто не уважает, – пробормотал Кобылин. – Пойду я на болото, наемся жабонят.

Ведьма замерла, лицо ее застыло. Долю секунды она находилась в прострации, потом чуть наклонила голову, не отрывая взгляда от лица охотника.

– Вы во мне дырку скоро проглядите, мадам, – печально сказал Кобылин и, воспользовавшись паузой, сунул руку во внутренний карман.

На свет появился абсолютно белый кусочек картонки размером с банковскую карточку. Из соседнего кармана охотник ловко выудил обычный желтый карандаш с красивым блестящим колпачком, прикрывающим острие. Сняв колпачок, Алексей размашисто написал на карточке телефонный номер и протянул ведьме.

– Вот, – сказал он, – возьмите, Линда.

– Это еще зачем? – спросила та, не отводя взгляда от карандаша в руках охотника.

– Позвоните, если передумаете. – Кобылин вздохнул. – Знаете, так всегда говорят в фильмах.

– Слишком много смотришь телевизор, охотник, – мрачно отозвалась ведьма, но карточку взяла, так и не сводя глаз с карандаша в руках Кобылина.

Алексей легко улыбнулся, развел руки, отвесил легкий поклон.

– На этом позвольте откланяться, – сказал он. – Приятно было познакомиться.

– Стой, – вдруг выдохнула ведьма. – Это у тебя что?

– Это? Карандаш.

– Из ветки старой осины с серебряным острым колпачком? Карандаш?!

– Нравится? – Кобылин ухмыльнулся. – Сам сделал. Я называю их зубочистками.

Ведьма улыбнулась в ответ, искренне и озорно, помолодев разом на десяток лет, и погрозила ему пальцем, как нашкодившему мальчугану.

– Хулиган, – сказала она, – их не только я почуяла. Иди.

– Позвоните мне, когда передумаете, – попросил Кобылин, шутовски прижимая руки к сердцу.

– Если – передумаю, – уточнила ведьма.

– Нет, – отозвался охотник. – Когда.

Он уже слышал топот ног в коридоре и знал, что это Гриша на всех парах торопится к

выходу. Пора было уходить. Алексей послал последнюю улыбку явно забавляющейся ведьме и быстро пошел к выходу.

– Кто ты такой, охотник? – ударило в спину.

– Я – Кобылин, – на ходу бросил через плечо Алексей и шагнул в опустевший коридор.

* * *

Шагнув в кабинет куратора, Григорий прямо с порога почувствовал его неудовольствие. Раздражение хозяина кабинета, казалось, висело под потолком темным облаком, собираясь разразиться молнией и громом.

Едва завидев Бороду, куратор поднялся на ноги и поманил пальцем к себе. Григорий стиснул зубы, чтобы не ляпнуть ненароком лишнего, и быстрым шагом подошел к столу. Павел Петрович взялся за ноутбук, выглядевший совершенно лишним предметом на зеленом сукне старинного стола, и рывком развернул его к гостю.

– Зачем? – сухо осведомился куратор Ордена.

Григорий взглянул на экран. Он был разделен на четыре небольших окошка, и в каждом жила своей жизнью отдельная картинка с камер наблюдения. Вот вход, вот большой зал, а вот и картинная галерея. Кобылин. Вид со спины. Общается с ведьмой, подходящей по описанию к искомому объекту. Плечист, статен, излучает уверенность такой силы, что еще немного – и своей аурой стены начнет раздвигать.

– Ну и как он вам? – спросил Борода, игнорируя вопрос куратора.

Павел Петрович поднял на гостя взгляд холодных, выцветших глаз, бесстрастно осмотрел жизнерадостного координатора охотников. Тот с затаенной гордостью наблюдал за Кобылиным, словно за сообразительным питомцем.

– Никак, – отрезал хозяин кабинета. – Это ошибка. Не стоило приводить сюда охотника. И тем более этого. Я, кажется, ясно дал понять, что его требуется занять каким-нибудь малозначительным делом.

– Я и занял, – оживился Борода, играя роль жизнерадостного идиота. – Вон он, беседует с объектом.

– Этот объект – одна из просителей, которым назначена аудиенция, – лязгая зубами, сообщил куратор. – И она... Подождите.

Павел Петрович отвел взгляд от улыбающегося Григория, нахмурился, притронулся к бледному виску кончиками пальцев, словно у него разболелась голова.

– Это убийство существа на набережной? – медленно спросил куратор.

– Так точно, – подтвердил Борода. – А это хозяйка...

– Я знаю, кто она, – отрезал координатор. – Зачем там ваш недоделанный аватар? Что он делает?

– Выясняет, кто убил мирное существо в нейтральной зоне. Как и положено по протоколу. Правда, я впервые задействовал Кобылина для подобного расследования. Но пусть...

– Убрать, – проскрежетал куратор, убирая руку от виска. – Немедленно.

– Почему? – очень натурально изумился Григорий, хлопая невинными голубыми глазами. – Что-то не так?

Павел Петрович резко обернулся к гостю, надвинулся на него, нависая широкими

плечами над невысоким, толстеньким Бородой. Тот бестрепетно встретил остекленевший взгляд хозяина кабинета. И не такие смотрели.

– Немедленно снимите Кобылина с этого расследования. И уберите его из этого дома. Немедленно. Сию же секунду.

– Но протокол...

– К черту протокол. Вы соображаете, что делаете? Хотите, чтобы эта ведьма рассказала вашему драгоценному кадру о том, к кому она пришла и зачем?

Григорий нахмурился. Это действительно было нежелательно. Сколько знает ведьма? Достаточно, раз знает, где искать куратора Ордена, который может рассудить нейтральных существ.

– Уберите его. Прямо сейчас, – повторил Павел Петрович. – Иначе его уберут мои люди.

– Не думаю, что это хорошая идея, – вскинулся Борода. – Позвольте, я все улажу.

Развернувшись, он быстро зашагал к двери. Вечер переставал быть томным. Схватка между охраной куратора и лучшим охотником города никак не входила в планы Бороды. Это будет катастрофой. Кобылин для начала разнесет в клочья это гнездо – как обычно, при помощи какой-нибудь припрятанной ерунды вроде клизмы, клея и набора канцелярских скрепок, а потом начнет задавать вопросы. Что это было, где мы, кто я, в чем смысл бытия. И вот как раз тогда и начнется катастрофа.

Ему не надо ничего знать об Ордене, о координаторах, кураторах и о том, какая игра ведется на этой доске. Малейшее смещение морального равновесия, обида, плохое настроение – и вместо аватара добра и света мы получим темного властелина. Глупо. Глупо было так себя вести.

И все же...

Выходя в коридор, Борода едва заметно улыбнулся. Ему удалось пробить броню невозмутимости куратора. Дело дрянь, раз у него настолько пошаливают нервишки. Он как на иголках, хотя должен быть холоден, как кусок льда. Пожалуй, следует все же немного разнюхать насчет его задания, пока этот выскочка не наворотил тут дел. А пока...

Нацепив черные очки, Борода решительно зашагал по коридору. Пора Кобылину дать выходной. Пусть займется чем-нибудь полезным. Приятным. Что он там любит делать в свободное время?

* * *

Дуб вырос большим, раскидистым, этаким патриархом лесного края, уместившимся среди многочисленных, но не таких представительных родственников. Устроившийся в теплом местечке, среди тенистых аллей большого городского парка, он рос и рос, пока не превратился в образцовое сказочное дерево, что вполне могло вдохновлять писателей и поэтов. Разлапистые ветви, прочные, как железные балки, были способны укрыть целый отряд Робин Гудов, если бы вдруг возникла такая нужда. Но пока им приходилось скрывать только одного человека – охотника.

Прижавшись плечом к шершавому стволу дерева, Кобылин осторожно перенес вес на руки и спустил ноги с ветки. Уселся поудобнее, чуть сдвинулся правее – так, чтобы была видна узенькая тропинка, протоптанная в глухой части парка собачниками. Она была едва заметна среди густой травы – эта потаенная тропка, связывающая две части большого парка.

Сейчас, ночью, вдалеке от аллей, освещенных фонарями, Кобылин не столько ее видел, сколько вспоминал по памяти. Вон там, у дальних кустов начинается, где-то тут идет мимо соседнего дуба, сворачивает за кусты, ставшие в темноте похожими на глухой забор.

Поджав губы, Кобылин потянулся в сторону и еще раз проверил арбалет, лежавший рядом на ветке. Снайперка, сто процентов, лучше. И наплевать на темноту. Но тут, посреди парка, недалеко от проезжей части, где обосновался пункт автоинспекции, да еще посреди ночи... Не стоит будить лихо, пока оно тихо. Тут в случае чего и не выберешься, на входах камеры стоят, дежурные по периметру парка шляются. И чего этого гада понесло в парк? Ведь чудом не попался еще, чудом! Или это он так себе нервы щечочет?

Кобылин прижался щекой к мокрой коре, медленно втянул носом холодный ночной воздух, прислушиваясь к голосам парка. Шелестят развесистые кроны, потрескивают ветки – это легкий ветерок заблудился в зеленых верхушках деревьев. Щелкает ночная птица, где-то пищит мелкая зверушка, издали слышен отрывистый собачий лай. Чуть дальше гулко бухают басы танцевальной площадки, звон и смех, слева, от дороги, идет непрерывный гул от пролетающих машин. Это город, детка. Не лес.

Насторожившись, Кобылин чуть подался вперед. Там, за кустами, что-то шевельнулось. А, нет, это дальше, намного дальше, у самого пруда. Где же носит эту тварь? Должен появиться. Один труп и девчонка в реанимации, и все шли этой тропинкой – до тех пор, пока из темноты на них не кинулось нечто. Место преступления дальше, намного дальше. Но чтобы туда попасть, сначала нужно пройти здесь.

Кобылин положил руку на холодную алюминиевую раму арбалета, как никогда почувствовав себя охотником. Сидит в засаде. Ждет. И точно знает – он пройдет здесь. Все говорит об этом – расположение жертв, следы на месте нападения, обратные следы, ведущие к оврагу, – все. Весь опыт охотника, полученный от общения со всевозможными наглыми и уверенными в себе хищниками, говорил о том, что тварь пройдет здесь. Гриша был не прав, утверждая, что сидеть в засаде где-то в стороне от кровавой полянки глупо. Нет, он пройдет здесь, точно. Кобылин бы на его месте поступил именно так.

Поежившись от ночной прохлады, Алексей поджал губы. Гриша. Вчера он много чего сказал о памятном визите на странный фуршет. В основном, правда, все очень грубое и почему-то в адрес Кобылина. И чего разошелся? Все прошло как по маслу. Поговорил с объектом, здание покинули быстро, без шума и пыли, под пристальным и неодобрительным взглядом охранников. А то, что пара гостей высказали Григорию свое «фэ» за то, что притащил с собой охотника, – то мелочи жизни. Подумаешь, больше не позовут его в этот дом. Пустяки, дело-то житейское.

Ничего, как поругались, так и помирятся, не первый раз, чай. С другой стороны, Алексей не мог не заметить, что в последнее время Гриша сам не свой. Таким он его еще не видел. Из толстого бородатого весельчака, работающего на подхвате у охотников, Григорий превратился в нервного и озабоченного – уже не напарника, а скорее начальника. Впрочем, теперь уже Кобылин не был уверен, кто у кого там был на подхвате. Группа Олега, занимающаяся истреблением нечисти, распалась и была уничтожена. Выжил лишь сам он, Кобылин, да Гриша, случайно умотавший в Питер на лечение. Но вот незадача, теперь Алексей не думал, что это вышло случайно. Все изменил один-единственный подслушанный разговор, тот самый, в котором Кобылин первый раз услышал об Ордене. Орден будет доволен, сказал Гриша. И в единый миг превратился из кореша, прикрывающего спину, в человека, ведущего свою собственную игру.

Пока все сводилось к тому, что Борода старался внушить своему подопечному, Алексею, мысль о том, что весь этот мир устроен немного не так, как казалось раньше. Но он отказывался говорить открыто, напрямую, а туманные намеки Кобылин ненавидел и не желал гадать на кофейной гуще, с открытым ртом впитывая туманные намеки Бороды. Чудовища среди нас? Да. Они правят нами? Нет, но... Ведут борьбу за власть между собой? Да. Все намного серьезнее, чем кажется на первый взгляд? Да! Но какого черта нужно во всем этом разбираться, мутить воду, лезть в чужую игру... Ведь все предельно просто. Вот ночь, вот чудовище, вот острый клинок, и ничего не остановит охотника в погоне за очередным ночным кошмаром, от которого нужно избавить мир. Ничего.

Встрепенувшись, Кобылин чуть подался вперед, выглянул из-за ствола дерева и перестал дышать. Да. Там, у дальних кустов, что-то двигалось. Зыбкая тень, просто еще одно темное пятно, мелькнувшее в ночи. Никаких звуков, запахов – ничего, кроме едва уловимого скольжения где-то в начале тропинки.

Алексей отлип от дерева, не отрывая взгляда от подозрительного пятна в траве, сунул руку в сторону, нашарил арбалет. Бесшумно, одним движением, приставил к плечу, целясь в ночной парк. Тетива натянута, болт на изготовке. Да, плохо. Нельзя так обращаться с оружием, а то тетива постепенно растянется и расшатаются крепления. Но тут нужен всего один выстрел. Нет, не убить, подранить, лишить сил. А потом уже наступит время для настоящей работы. Грязной, отвратительной, но необходимой.

На глазах охотника серое пятно вдруг сгустилось, превратилось в невысокую сгорбленную фигуру, бесшумно скользившую по ночной тропинке. Бесшумно и чуть торопливо, словно кто-то спешил на важную встречу, предвкушая тот момент, когда все пойдет так, как планировалось. Пойдет...

В тот миг, когда тень поравнялась с дубом и очутилась в полусотне метров от убежища охотника, Кобылин высунулся из-за ствола. Дерево прекрасно скрывало и его температуру тела, и звук биения сердца – главное тут было удачно выбрать позицию. Но в последний момент нужно было все-таки высунуться из убежища, чтобы сделать выстрел. И тогда счет пойдет на секунды.

Темный силуэт, едва различимый в темноте ночного парка, легко скользнул вперед, сам вползая в прицел охотника. Кобылин положил палец на курок, собрался дать упреждение и вздрогнул всем телом, когда его щеки коснулось что-то невесомое, но липкое. Словно паутина.

Сердце Алексея дало сбой. Серая пелена сгущалась вокруг него, окутывая охотника коконом паутины. Серые нити сыпались из листвы дуба, танцевали над тропинкой, поднимались к небу, застыл белый свет полумесяца. Где-то рядом тяжело ворочалось что-то большое, грубое, тихо сопевшее. Лес пропал, а вокруг появились зыбкие кирпичные стены, заслоняя собой деревья, озаренные лунным светом. Стены наступали, становились все реальнее и реальнее, грозя превратиться в каменный мешок.

Я сплю, подумал Кобылин. Это опять этот проклятый сон! Это зашло слишком далеко. Нужно проснуться. Проснуться!

Охотник вздрогнул – всем телом. Паутина тотчас исчезла – развеялась, как ночной морок, оставив в покое свою ошеломленную жертву. Наваждение отступило, выбросив Кобылина обратно в ночной парк, на жесткую ветку старого дуба. Чувствуя, как на лбу выступили горячие капли пота, охотник сделал осторожный вдох. Привиделось. Приснилось наяву. Это плохо. Очень плохо, нельзя спать на охоте, тем более...

Спохватившийся охотник подался вперед, окинул быстрым взглядом тропинку. Пусто. Никакого следа сгорбленной фигуры. Ни единого следа, никакого присутствия.

Закусив до боли нижнюю губу, Кобылин пристегнул ложе арбалета к ремню, перекинутому через плечо, толкнул вниз, в траву под дубом, рюкзак. Потом скользнул следом сам, быстро, бесшумно, едва касаясь толстого ствола дуба руками в перчатках. Может быть, еще не поздно. Может, еще удастся догнать эту тварь! Не убить, так хотя бы спугнуть, предотвратить новое нападение! Надо же было так облажаться. Невероятно. Просто невероятно.

Едва кроссовки Кобылина коснулись травы, в его недрах куртки загудел телефон, поставленный на виброзвонок. В тишине ночного парка этот звук прозвучал достаточно громко – так, что Кобылин, шипя от ярости, захлопал по карманам, пытаясь добраться до аппарата. Да что с ним сегодня такое? Глюки, неотключенный телефон, упущенный упырь... Это усталость? Старость? О, еще и арбалет не разрядил, и посеребренный болт угрем скользнул в траву... Это старческий маразм.

В перчатках шарить по карманам было неудобно, но Алексей в доли секунды выхватил телефон, глянул на знакомый номер. Вадим. Да, правда, он же сам просил позвонить...

– Перезвоню, – выдохнул Кобылин, щелкнув кнопкой приема. – Затаись. Я...

Уже ныряя рыбкой в траву, он успел разжать пальцы, чтобы бросить телефон и оттолкнуться освободившейся ладонью от земли.левой рукой на лету рвал с плеча ремень с пристегнутым арбалетом. Оттолкнувшись от мокрой травы, Кобылин сделал колесо и, едва его ноги коснулись земли, прыгнул в сторону, заложив сальто вправо. Уже приземляясь, сорвал с плеча ремень и швырнул его в скользкую траву следом за ним тень.

Упырь, взбешенный первым промахом, легко увернулся от арбалета, летящего ему в серую, морщинистую харю, но потратил на это долю секунды – ровно столько, сколько понадобилось Кобылину, чтобы утвердиться на ногах после прыжка.

Распрямляя колени, охотник наклонил голову, ожег упыря ненавидящим взглядом исподлобья, успел сунуть руку за спину, туда, где висел в ножнах клинок, и прыгнул вперед, словно бегун, стартовавший после выстрела судьи.

Упырь – самый заурядный вампир в облике серолицего чудовища – не ожидал атаки. Он замешкался, попытался увернуться, и Кобылин тут же врезался в него подобно живому тарану. Охотник сбил вампира с ног, оба покатались по мокрой траве, отчаянно деря друг друга в клочья, как спятившие мартовские коты. У вампира для этого были две когтистые лапы да еще длинные клыки, а у Кобылина только твердая рука, которой он сжимал морщинистое горло, да острый кованый клинок, напоминавший сильно укороченную саблю. Клинок с примесью серебра, без гарды, легко выходил из ножен и был способен как рубить, так и колоть. Вот только для этого ему было нужно немного больше пространства.

Натужно хрипя, Кобылин подмял под себя вампира, чувствуя, как тот дерет в клочья его плечи, защищенные только спортивными щитками, спрятанными под курткой. Навалившись коленями на хрупкую грудь упыря, охотник взмахнул клинком, рубя серые лапы чудовища, как сорную траву, потом, улучив момент, воздел клинок над головой, готовясь пригвоздить вампира к мокрой земле. В ту же секунду упырь подтянул ноги чуть ли не к подбородку, оттолкнул охотника коленом и, едва тот подался назад, лягнул его второй ногой.

Получив удар в грудь, Кобылин кувыркнулся назад, едва не выронив клинок. Прокатившись по траве, он вскочил на ноги и тут же взмахнул ножом, отгоняя вампира, успевшего подняться на секунду раньше.

Тот порхнул в сторону – легко, словно ничего не весил. Отступил на шаг, подставив под луну мерзкую харю, чуть наклонил голову, рассматривая странную жертву. Кобылин за этот миг успел хватануть воздух ртом и сунуть левую руку за пазуху, в карман, где хранился пакетик с серебряной пудрой. Упырь был мелковатый, но шустрый. Он утратил человеческий облик, или даже не посчитал нужным его принять на время охоты, и теперь пялился на охотника красными зенками, глубоко сидевшими в сером лице, напоминавшем скисшее тесто. Серая куртка, ботинки, все цивильно. Беспредельщик? Спятивший? Почетный член того самого друтого общества? Наплевать. Он – убийца.

Упырь, размышлявший не больше секунды, вдруг скользнул в сторону, и Кобылин чуть не задохнулся – сбежит! Но вампир и не думал убегать. Он лишь по дуге обошел жертву слева и тут же кинулся вперед, молниеносно, как змея, атакующая жертву.

Спятивший, успел подумать Кобылин, выхватывая из кармана чуть надутый полиэтиленовый пакетик с пудрой. За миг до того как упырь коснулся охотника когтистыми лапами, тот шлепнул себя по груди. Резкий хлопок лопнувшего пакета прозвучал в ночной тишине подобно взрыву, и Кобылина тут же окутало серебристое облако пыли, в которое и влетел вампир.

В последний миг Алексей успел шагнуть в сторону и увернуться от когтистой лапы – ровно в тот момент, когда упырь завопил. Пронзительно и страшно – как человек, упавший в чан с серной кислотой. По инерции монстр сделал еще несколько шагов вперед, шлепая себя по груди и лицу, потом рванулся вперед, пытаясь нырнуть в кусты, но Кобылин, знавший, что этот ожог болезненен, но не смертелен, не позволил.

Алексей успел схватить вампира за плечо, дернуть на себя. Тот взмахнул длинной лапой, отгоняя охотника, обернулся – и в тот же миг, нырнув под серую лапу, Кобылин распрямился и всадил ему в грудь свой клинок – туда, где условно находилось упыриное условное сердце. Вампир взревел, вскинул лапы, но Кобылин со всей силы ударил его в живот ногой, отпихнул, не забыв вытащить клинок из задымившейся груди. Смертельно раненный, вампир отшатнулся, страшно зашипел, разевая черную зубастую пасть, но Алексей обернулся вокруг своей оси, разгоняя удар, и с размаха засадил клинок в висок упырю – слева направо, пробив голову нечисти, словно гнилую тыкву.

Вампир замер, содрогнулся и повалился навзничь, в траву, истекая черной дымящейся жижей. Он еще содрогался в конвульсиях, когда Кобылин подошел ближе, наступил ногой на серую оплывшую харю и с усилием выдернул из пробитого черепа свой клинок.

Бросив последний взгляд на содрогающуюся нечисть, начавшую расплзаться на черные, оплавленные серебром куски, охотник медленно побрел обратно к дубу. По дороге он подобрал ремень со сломанным арбалетом, обрывки пакетика с серебром. У самых корней дерева нашел брошенный мешок, а потом принялся шарить по траве руками в поисках телефона.

Тот нашелся через минуту, еще теплый, хранящий касание своего владельца. Кобылин поднял его, вытер об штаны, приложил к уху и тут же резко обернулся, нащаривая убранный нож. Но это оказался лишь последний вздох упыря – с тихим шелестом то, что осталось от вампира, превратилось в серую грудку пепла.

– Да, – сказал Кобылин, нажимая кнопку вызова и отворачиваясь от останков вампира. – Что у тебя?

С мрачным видом выслушав сбивчивые объяснения Вадима, он тихо произнес:

– Надо поговорить. Скоро буду.

Выключив телефон, Алексей мрачно посмотрел на него, потом сунул в карман и принялся разбирать испорченный арбалет. Охота на сегодня была окончена.

* * *

В этой новой богатой жизни Кобылин больше всего ценил поездки на такси. Еще год назад ему приходилось крадучись перемещаться от дома к дому, пряча под полой куртки заряженный обрез, или трястись в автобусах разных маршрутов, пытаясь перебраться через огромный город. Сейчас, конечно, все упростилось. Звонок, машина тормозит у случайной остановки, и вот уже можно ехать, не прячась от патрульных.

Кобылин поправил черные очки, скрывавшие покрасневшие глаза от жгучего августовского солнца, и сцепил зубы, подавляя зевоту. Он не выспался – еще бы, полночи провозился с этим делом в парке. По-хорошему, нужно было, как в старые времена, спать до вечера, а в сумерках выходить на новую охоту. Но сейчас времена настали новые, интересные, и горячую информацию лучше проверить поскорее, днем, пока никто не спохватился.

То, что рассказал Вадим, действительно заслуживало самого пристального внимания. Кобылин, поручивший бывшему проводнику и его подруге разноухать насчет дебаркадера, в общем-то, и не рассчитывал на такой результат. Да, конечно, он просил свою команду расспросить местных насчет подозрительных громил-близнецов. Но Алексей сделал это просто потому, что не знал, чем можно занять свою так называемую команду. Надо же им было чем-то заниматься? И тут такой сюрприз.

Охотник поверх очков глянул в окно такси, на пролетающие мимо улицы, забитые вечно спешащими горожанами. Места он пока не узнавал. И до чего забавно выглядят эти улицы днем! Совсем не так, как ночью.

Откинувшись на спинку кресла, Кобылин припомнил вчерашний разговор с Вадимом, пытаясь припомнить все интонации в голосе бывшего проводника, ставшего – вовсе не по своей воле – оборотнем. Итак, новости на самом деле поступили из весьма неожиданного источника, а именно от брата Веры. Понятно, что сестренка не погнушалась попросить о помощи братика, а тот и рад был помочь. Оборотень, имеющий отношение к прокуратуре, наверняка обладал весьма приличными связями – ну или его начальник, – потому что за пару дней найти иголку на улицах города-миллионщика – это подвиг помасштабнее, чем обшаривание одинокого стога сена.

Впрочем, торопиться не стоило, сначала надо было все проверить. Информация о том, что один таксист высадил двух здоровяков, подходящих под описание нападавших, у дорожной развязки в центре города, конечно, заслуживала внимания. Но, во-первых, это было аж неделю назад, а во-вторых, крепкие мужики, пусть и лысые близнецы, все же встречаются не так чтобы редко. Нет, не часто, тут не поспоришь. Но вполне может быть, что эти пресловутые близнецы просто близнецы, и ничего более. Правда, безымянный таксист, по словам Вадима, утверждал, что ребята были более чем подозрительны и вышли из машины прямо посреди дороги. Кобылин мог придумать этому поступку только одно объяснение – эти ребята просто решили сменить тачку. Вышли, поймали другую машину и уехали уже совсем в другую сторону – ищи их, свищи. Прием самый незамысловатый, но действенный. И вот это как раз и подозрительно.

– Там, – резко сказал Кобылин, подавшись вперед. – У развязки притормози.

– Это же дорога, – возмутился таксист. – Там нельзя...

– Прямо и стоп, – отрезал Алексей, надевая очки. – Быстро. Сдачи не надо.

Водитель глянул на купюру, осевшую на приборной доске, покосился на Кобылина – чисто выбритого, в просторной куртке и черных очках, пожал плечами и крутанул баранку.

Кобылин вышел у самого начала огромного моста, что нависал над шоссе. Таксист тут же нажал на газ и влился в поток машин, а Алексей подошел к самому бортику. Здесь не было пешеходной дорожки, мост был прямым продолжением трассы. Слева дорога, справа дорога. И она уходит вниз, под мост, на самый поворот. Место пустынное, до ближайших домов пара сотен метров. Что здесь можно делать?

Алексей оглянулся, бросил взгляд по сторонам. Мимо летят авто самых разных форм и расцветок, грозно рыча движками. Оставаться здесь опасно – не ровен час еще переедет кто-то из лихачей. А торчать здесь и ловить машину? Нет, пожалуй, это слишком.

Пройдясь вдоль бортика, Кобылин сошел на участок трассы, уходившей вниз, под мост. Мимо, отчаянно гудя, пронеслась черная, как смоль, «BMW», а следом юркнула маленькая белая машинка. Тихим это место не назовешь, и все же... Кобылин быстро пробежал опасный участок, увернулся от зеленого джипа и, прижимаясь к левой стороне, спустился вниз, шагая вдоль моста.

Его догадка оказалась верна – тут, под мостом, оказывается, была довольно просторная площадка. Над головой, где-то на высоте третьего этажа, нависала развязка, играя роль своеобразной крыши. А кусочек дороги под мостом был огорожен решетчатым железным забором, который с натяжкой можно было назвать стенами. Сквозь забор Кобылину было прекрасно видно и строительный вагончик в углу, и крохотный трактор, примостившийся в уголке стоянки, два разбитых в хлам «жигуленка», поливальная машина с облезшей краской и без лобового стекла, какие-то ящики, два железных контейнера для мусора и много, много разного хлама, разбросанного по всему участку. Этакая подсобка, хозяйственный уголок, где дорожные службы хранят швабры и половые тряпки, образно говоря. Зауток, который есть в любом доме.

Кобылин снял очки, прищурился, пытаясь разглядеть что-нибудь интересное. Потом сунул очки в карман и решительно направился к забору. В конце концов, не зря же он перся в такую даль и в такую рань.

Перемахнуть решетчатый забор – плевое дело, особенно если на тебе удобные кроссовки и тянущиеся джинсы. Кобылин в два счета взлетел на верхушку забора, спрыгнул на пыльный асфальт заброшенной стоянки и замер, прислушиваясь. Где-то наверху, над головой, гудели моторы и шуршали шины пролетающих по развязке авто. Но здесь, в укромном уголке, было тихо.

Кобылин осторожно прошелся мимо разбитой в хлам «шестерки» «Жигулей» с промятой крышей, скользнул между мусорным контейнером размером с грузовик и грудой деревянных ящиков. Это беспорядочное нагромождение мусора изнутри напоминало лабиринт, и Алексей, перешагнув через кучу пустых банок от краски, остановился. Секунду он размышлял – куда податься, к машинам или к вагончику? Потом, сориентировавшись, прошел мимо второй мусорки, обошел груды сгнивших паллет и выбрался на крохотный свободный участок – нечто вроде площади среди этого города мусора.

Напротив высился строительный вагончик с единственным окном, прижавшийся стенкой к основанию моста-развязки. Вокруг него было более-менее чисто, а рядом с покосившейся дверью вагончика, на асфальте, виднелись заметные царапины. Видимо,

дверью часто пользовались, и в последний раз совсем недавно, раз пыль еще не успела покрыть эти царапины в грязи.

Оглянувшись, Алексей окинул быстрым взглядом этот заброшенный уголок. Обзор был неважнецкий, машины и мусорные контейнеры сильно мешали, а груды мусора по краям площадки были разложены так, что как бы не нарочно прикрывали от любопытных взглядов всю стоянку. Несмотря на кажущийся хаос в разбросанном мусоре, Кобылину вдруг почудилось, что он понял схему этого рукотворного лабиринта. Барахло так разложили не случайно.

Алексей легко вскочил на деревянный ящик, быстро оглядел мусорные кучи и, не заметив ничего подозрительного, соскочил на асфальт. Затем быстро подошел к двери, стараясь не наступать на разбросанный мусор. Заглянув в окошко, покрытое пылью столетий, охотник так и ничего не смог разглядеть. Тогда он пожал плечами и осторожно потянул на себя дверь. Та поддавалась, но с большим трудом. Да еще со скрипом, пронзительным и мерзким, пилящим нервы не хуже ножовки. Кобылин поморщился, но рванул дверь посильней, и она распахнулась настежь, прочертив на сером асфальте новые шрамы.

Секунду-другую охотник внимательно всматривался в черный проем двери, ведущий в домик. Из него пахло плесенью и сырым деревом, чуть тронутым гнильцой. Ничего подозрительного – обычные запахи заброшенного сарая.

Сунув правую руку за спину, под куртку, Кобылин, крадучись, сделал маленький шаг вперед. Потом другой. А потом переступил порожек и зашел в развалюху, напоминавшую заброшенный дом.

Изнутри вагончик оказался еще меньше, чем выглядел снаружи. Справа, у стены, высился стеллаж, набитый всяким хламом – дорожными конусами, веревками, шлангами, каким-то старым тряпьем. Рядом торчали деревянные ручки прислоненных к стене инструментов – пара лопат, ржавая кувалда, лом, грабли. Похожее барахло было раскидано и вдоль стен одной большой комнаты. Освещения тут не было, но сквозь единственное запыленное окно проникало достаточно света, чтобы можно было рассмотреть и пол, заваленный мелким хламом, и старую кровать с железной сеткой, занимавшую самый дальний и темный угол.

Кобылин вытащил руку из-под куртки, сделал пару шагов вперед, тщательно перешагивая через черенки совковых лопат, разбросанных по полу. Слой мусора под ногами был такой, что даже нельзя было угадать, что там под ним, голые доски или потертый линолеум.

Под окном стоял длинный стол, даже не стол, скорее верстак, на котором стояли железные тиски и ровный ряд железных банок из-под кофе, в которых, вне всяких сомнений, содержались болты и гайки всевозможных размеров. Верстак примыкал к кровати, едва не напозая на нее. На железной сетке покоился свернутый в трубку старый матрас, вроде тех, что так популярны в плацкартных поездах. Рядом с кроватью – коробка, а в ней хлам, и рядом хлам, и вокруг хлам...

Тяжело вздохнув, Алексей обернулся, бросив взгляд по сторонам. Да, судя по следам на полу, люди тут бывали. И довольно часто. Как и положено, наверно, строителям и рабочим, облюбовавшим подсобку для своих нужд. Вот так всегда – ищешь сокровище, а натыкаешься на груды... мусора. Тут явно не было ничего интересного – ни для охотника на нечисть, ни для грабителей, ни для следователей... И все же что-то тут было не так. Чего-то не хватало, но Кобылин не мог сказать, чего именно, и это его страшно раздражало.

Еще раз окинув взглядом комнату, охотник нахмурился. Он встал в центр и начал поворачиваться вокруг оси, быстро разглядывая все, что попадалось ему на глаза. Вот что такое? Хлам и хлам. Какого черта он тратит тут свое время и занимается ерундой? Может, это все оттого, что больше зацепок нет и просто не хочется отсюда уходить?

Вот Кобылин резко обернулся и уставился за кровать, в дальний угол, темный, как Марианская впадина. Там, в глубине, что-то блеснуло, что-то маленькое, железное. Алексей быстро пересек комнату, оперся коленом о заскрипевшую кровать, зашарил руками в темноте. И, нащупав кусок материи, одним рывком сдернул его с большого железного ящика, притаившегося в углу.

Сейф. Оружейный – тонкий ящик метра полтора в высоту. В таких обычно хранят ружья. Серый, с отливом молотковой эмали, новенький, с механическим замком. Кажется, отечественный. В ту же секунду Кобылин вдруг понял, что его смутило – на площадке и у вагончика не было окурков. Вообще. Ни одного. И внутри домика даже не пахло табаком. И спиртным не пахло, и остатками еды – ничем таким. Не бывает так, подумалось Кобылину, вот это и есть самое подозрительное.

Он осторожно прикоснулся кончиком пальца к серой дверце оружейного сейфа. Медленно коснулся ручки, потянул на себя. Заперто. Нет, он и не сомневался, но проверить надо было. Но кто вообще будет хранить оружие в сейфе в таком заброшенном месте? Хороший вопрос. Да кто угодно! У самого Кобылина по городу был раскидан десяток тайников с оружием. Правда, он обходился без сейфов, но вдруг у кого-то пунктик на этот счет. Так что неужели это действительно охотники?

Алексей нахмурился и потянулся к черной ткани, чтобы набросить ее обратно на сейф. Остановился. Нет, не поможет. Он тут так наследил, что только слепой не заметит, что здесь побывали. Остается только бросить все как есть и надеяться, что все спишут на подростков. Нужно, наоборот, потоптаться тут, сломать что-нибудь, прихватить с собой мелочовку. Жаль, нет сигарет – бычки быгодились. Или пары банок колы, а может, и пива. Разбросать бы тут все, намусорить, уйти. А потом вернуться другим путем, сесть в засаду да посмотреть, кто явится. Вадима или Веру просить нельзя. Если это действительно охотники, то, почуяв оборотня, они разговаривать не станут, сразу пальнут. А вот если самому забраться, например, повыше, к самому полотну моста, устроиться, так сказать, в коммуникациях на потолке да затаиться...

Хруст пустой банки от краски был едва различим за гулом проносащихся по мосту машин. Но уши Кобылина заботливо отфильтровали этот звук, выбивающийся из общей звуковой картины, не менявшейся уже полчаса, послали грозное предупреждение своему владельцу. Алексей вскинул голову, прислушался, потом метнулся к двери – здесь, в этой проклятой комнате он был как в мышеловке.

Он выскочил на порог домика в тот самый миг, когда из-за мусорного контейнера ему навстречу вышли двое крепких мужиков. Один справа, другой слева. На секунду задержавшись на краю крохотной площадки, они неторопливо, но целеустремленно двинулись к охотнику. Молча и уверенно.

Оба точно соответствовали описанию – высокие, широкоплечие, одеты в одинаковые черные кожаные куртки, болотные зеленые штаны и зашнурованные берцы. Далеко за тридцать. Одинаковые хмурые лица, одинаковая щетина на щеках и проплешины на макушках. Громилы-близнецы. Оба напоминали не то борцов-вольников в расцвете карьеры, не то весьма перекачанных слесарей из автосервиса. В любом случае, их хмурые лица и

сдвинутые брови, размером с беличий хвост, не сулили ничего хорошего.

– Мужики! – радостно воскликнул Кобылин, разводя руками. – Ваш домик?

Мужики не отозвались. Оба двигались к охотнику, застывшему в дверях, – надвигались неторопливо, но грозно, явно не желая вступать в разговоры с незванным гостем.

– Воу, полегче, парни, – бросил Кобылин, показывая пустые ладони. – Я...

Тот, что шел справа, сорвался с места и бросился на охотника – резко, быстро, с места. Так, словно им выстрелили из пушки.

Кобылин увернулся – в последний миг шагнул в сторону, изогнулся, пропуская мимо себя оживший смерч. Громоздкая туша нападавшего пролетела мимо и по инерции с грохотом врезалась в дверной косяк бытовки. Дверь сорвало с петель, из разбитого косяка брызнули щепки, а внутри дома загревели инструменты, попадавшие со стеллажей.

Алексей этого и не слышал – продолжая движение, он закрутился волчком, пытаясь сохранить равновесие, и успел на ходу сунуть руку за спину. Он даже успел нащарить рукоять «глока» и дернуть его на себя, но в тот же миг второй громила налетел на него, как будто собирался сыграть в американский футбол.

Кобылин успел оттолкнуться от плеча громилы свободной рукой, отодвинуться в сторонку, но все равно не удержался. Сбитый с ног, он кубарем отлетел к краю площадки, к деревянным ящикам. Из карманов куртки брызнула мелочь, черные очки закрутились на полу, а «глок», выбитый из руки, глухо брякнулся на асфальт и со скрежетом уехал в груды грязных тряпок.

В полете Кобылин успел сгруппироваться, как после броска на борцовском ковре, но приземлился неудачно, боком. Правое бедро и колено тут же вспыхнули от обжигающей боли, но охотник этого уже не чувствовал – разум уже отключился, уступив место инстинктам, холодным и безжалостным.

Перекатившись по земле, как бревно, охотник, не вставая, уперся ногой в подвернувшийся бортик и сильно оттолкнулся. Он проехался на спине по асфальту, как хоккейная шайба, в клочья раздирая куртку и штаны, но это его спасло – кинувшийся вслед ему громила запнулся о Кобылина и рухнул ровно на то место, где миг назад лежал сам охотник.

Алексей тут же сделал мостик, избежав удара ногой от первого громилы, уже выбравшегося из обломков двери, встал на руки, оттолкнулся от асфальта и вскочил на ноги. Не прекращая движения, он заложил сальто назад, сделал пируэт и приземлился у самого края площадки. Громила бросился следом, и не подумав помочь своему товарищу подняться на ноги, но Кобылина было уже не достать.

Увернувшись от мощной руки преследователя, Алексей легко вспрыгнул на деревянный ящик, перескочил на второй. Ящик, балка, асфальт, старые покрышки, железная стенка... Охотник легко, словно танцуя, взлетел вверх по грудам хлама, балансируя на краю мусорного контейнера, что был размером с хороший кузов «КамАЗа».

Обернувшись, он бросил взгляд вниз и почувствовал, как отступает адреналиновая пляска – алая пелена спала с глаз, и он вновь мог трезво мыслить.

Мужик, преследующий его, попытался вскочить следом на груды деревянных паллет, но они рассыпались под его весом, и громила молча, словно был нем от рождения, заворочался в гнилых обломках. Второй успел подняться на ноги и тут же юркнул в какую-то щель в лабиринте из мусора. Кобылин ни секунды не сомневался, что он попытается зайти с тыла и взобраться на контейнер с другой стороны. С тревогой оглянувшись, Алексей быстро оглядел

поле боя, прикидывая возможные маршруты отступления. Варианты были – и неплохие. Но оставалась одна проблема.

Быстро переступая по узкому железному брусу, охотник перебрался на дальний край контейнера, наплевав на громилу, пытавшегося подпрыгнуть и уцепиться за грязный бортик. Сейчас Алексея волновало лишь одно – пистолет, оказавшийся в груди грязных тряпок на другой стороне площадки.

Конечно, у Кобылина оставался в запасе нож – хороший, крепкий, складной нож, хоть и без примесей серебра. Но он не собирался вступать врукопашную с этими тварями, кем бы они ни были. То, что это не люди, Алексею стало ясно в первую же секунду схватки – двигались они слишком быстро и пахли более чем странно – раскаленными камнями. Нет, конечно, они могли оказаться профессиональными супертренированными игроками в американский футбол с нарушениями обмена веществ. Да, такой шанс был. Но гораздо вероятнее было то, что это нечисть, занимавшаяся вымогательством у другой нечисти, почуяла охотника в своем гнезде и решила быстро спрятать концы в воду.

Позади что-то загромыхало, Кобылин обернулся и увидел лысую голову второго громилы, зашедшего с другой стороны контейнера. Он взобрался на крышу разбитого «Жигуленка» и теперь пытался взобраться на мусорку. Первый громила дежурил на асфальте, под охотником, намереваясь взять его в оборот, если тот спрыгнет на землю. Бритая голова со следами залысины была запрокинута, и из-под кустистых бровей на охотника, снизу вверх, смотрели два черных глаза – как оружейные стволы. Никаких эмоций на суровом, будто вырубленном в камне, лице. Статуя, да и только.

Второму громиле удалось наконец добраться до контейнера. Он подтянулся, запрыгнул в грудку хлама и медленно, разгребая его ногами, двинулся в сторону охотника. Руки он держал перед собой, растопырив короткие, толстые пальцы, как борец, собравшийся сделать захват.

Кобылин смерил его холодным взглядом, попятился, будто собирался спрыгнуть на соседнюю мусорку, а когда громила рванулся вперед, прыгнул ему навстречу.

Они разминулись всего на волосок – точно рассчитанный холодным разумом охотника волосок. Нырнув под растопыренные руки, Кобылин проскочил в дальний угол контейнера, взлетел на его бортик, перепрыгнул на цистерну поливальной машины, пробежался по ней, а потом резко развернулся. Первый громила не удержался на ногах – упав в грудку мусора, он барахтался в ней, пытаясь нащупать ногами твердое дно. Второй лысый, карауливший охотника на земле, уже подбежал ближе, к самому борту поливалки, и уже протягивал руки к борту.

Легко оттолкнувшись, Кобылин прыгнул вниз – прямо на плечи мужика, следовавшего за ним. Всем весом охотник обрушился на него, не просто наступив на широченное плечо, а еще и ударив его. Громила покачнулся, а Кобылин, почувствовав, как опора уходит из-под ног, оттолкнулся обеими ногами и воспарил над площадкой. Уже группируясь, он с удовлетворением услышал глухой удар – это громила от толчка Кобылина приложился головой о железный борт поливальной машины.

Приземляться пришлось на руки. Пролетев половину площадки, Кобылин вытянул руки, приземлился на них, как на пружины, и, выгибая колесом спину, прокатился вперед, через голову. Инерция подняла его на ноги, и охотник прыгнул еще раз, преодолев длинным прыжком вторую половину площадки и выйдя точно к цели – груди масляного тряпья. Не прекращая движения, Кобылин запустил руку под тряпки, ободрал об асфальт ладонь, но успел нащарить ребристую рукоять пистолета.

Завершая движение, он выдернул оружие из тряпья, развернулся и замер в классической стойке – одно колено на земле, на второе опирается локоть, пистолет в двух руках. Прицел!

Лысый здоровяк, рванувшийся следом за охотником, был в паре метров от жертвы. Кобылин успел заметить огромные грудные мышцы, бугрившиеся под белой майкой, и спустил курок. Две пули, ровно под левую грудную мышцу.

За грохотом выстрелов Кобылин едва различил странный звук, когда пули вошли в тело, – глухие шлепки, словно под майкой скрывался сырой бетон. Но все же он их расслышал и даже успел удивиться, когда громила лишь покачнулся, и снова рванулся вперед, так, словно по нему попали не пули Люгера, а пластиковые шарики.

Кобылин успел сменить прицел, взял выше, в голову, выстрелил два раза – на большее не хватило времени. Первая прошла мимо, лишь царапнув лысый череп, вторая попала в ладонь, которой громила прикрыл лицо. А потом время кончилось.

Лысый утробно рыкнул и прыгнул прямо на охотника. Кобылин оттолкнулся от асфальта, взлетел в воздух, но тут его и настиг удар – прямо по ребрам, вытянутой рукой. Словно ломом приложили.

– Еп, – коротко выдохнул Кобылин и кувырком полетел в распахнутую дверь бытового домика.

Пистолет он выронил сразу, еще на лету, до того, как кубарем вкатился по обломкам косяка в черный проем двери. Остановился он, лишь стукнувшись о стену, уже внутри бытовки и тихо застонал. Правый бок сразу онемел, разом взвыли все ушибы и растянутые мышцы, а в глазах помутилось.

Сквозь алую пелену Кобылин увидел, как в проеме дверей вырос черный силуэт – приземистый, кряжистый, неумолимый и неубиваемый. Он потянул к охотнику корявые руки, и тогда внутри Кобылина что-то щелкнуло, и мир стал алым, словно кровь.

Алексей резко сгруппировался, подтянул под себя ноги, уперся ими в стену и резко выпрямился, выбросив себя вперед, словно живой снаряд. Обеими руками он уперся в здоровенную грудь чудовища. Удара не получилось, получился мощный толчок – настолько, что здоровяк вылетел из домика спиной вперед, споткнулся и сел задом на асфальт. Кобылин же, рухнувший на живот, зашарил руками по полу, пытаясь найти среди разбросанного инструмента что-то потяжелее. И нашел.

Вскочив на ноги, он с ревом вылетел из двери вагончика, сжимая в руках железную кувалду на длинной, отполированной тысячами прикосновений, ручке. Здоровяк к тому времени успел подняться на ноги, а за его спиной уже маячил напарник, выбравшийся наконец из мусорного лабиринта. Кобылин, рыча как оборотень, взмахнул своим чудовищным оружием.

Первый громила качнулся в сторону, уклоняясь от удара, кувалда просвистела мимо, но Кобылин не остановился – он сделал шаг дальше, его молот описал полный круг и обрушился на второго здоровяка, подбежавшего к месту схватки. Тот не ожидал нападения и увернуться не успел – железная болванка рухнула на его плечо. От удара здоровяк пошатнулся, опустился на одно колено, едва не упав. Кобылин же пнул его ногой в грудь, сбил с ног и тут же крутнулся вокруг себя, еще раз взмахнув молотом.

Уцелевший здоровяк шарахнулся в сторону, кувалда просвистела мимо, но тут же, описав восьмерку, вернулась. Кобылин, вертевшийся как юла, придал железной болванке такой разгон, что она, с размаху ударив в грудь здоровяка, сбила его с ног и отшвырнула в грудку грязного тряпья.

Охотник, сам едва удержавшийся после удара на ногах, развернулся к поднимавшемуся громиле. Его правая рука беспомощно висела вдоль тела, но глаза, казалось, наконец ожили и пылали огнем. Кобылин, продолжая движение молота, чуть подправил направление, пустил его ниже, и громила, прикрывший рукой голову, пропустил удар в ноги. Кувалда с размаха ударила бандита по колену, сокрушила его – не с треском, но с грохотом, словно нога была сделана из камня. Громила повалился навзничь, а Кобылин развернулся ко второму здоровяку, размахивая молотом.

Тот успел подняться с земли, но лишь для того, чтобы попасть под новый удар – кувалда, описав замысловатую восьмерку, обрушилась на его бедро, потом на подставленную руку, а потом и на лысую голову.

– Физика, – ревел Кобылин, работая кувалдой, словно кузнец молотом. – Бессердечная... ты... сука!

[Купить полную версию книги](#)